Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Огарок Михаил Андреевич

Технологии искусственного интеллекта в судебном толковании права

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Танимов Олег Владимирович

Москва - 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
Глава 1. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА 21
1.1. Понятие, содержание и направления использования технологий искусственного интеллекта при толковании права судом 21
1.2. Основные подходы к пониманию и определению искусственного интеллекта в юридической и технической литературе 40
1.3. Юридические и технические аспекты применения искусственного интеллекта при толковании права судебными органами 52
Глава 2. ПРЕДЕЛЫ, СПОСОБ И ВИДЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ... 66
2.1. Технологический способ и виды судебного толкования права с применением технологий искусственного интеллекта 66
2.2. Пределы судебного толкования прав с использованием технологий искусственного интеллекта 75
2.3. Свобода судейского усмотрения при толковании права с применением технологий искусственного интеллекта 85
2.4. Правила и основной принцип толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта 94
Глава 3. ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОМ ТОЛКОВАНИИ ПРАВА 101
3.1. Потенциал применения и проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности 101

3.2. Возможности внедрения технологий искусственного интеллекта в судебное толкование права 117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 127
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 139

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В условиях стремительного роста научно-технического прогресса, особенно в сфере развития цифровых технологий, все большее значение приобретает использование технологий искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни. Мировой опыт показывает, что уже более 60 государств разработали и утвердили национальные стратегии развития искусственного интеллекта, а также приняли ряд нормативных правовых документов, регламентирующих создание и использование когнитивных систем. Российская Федерация в этом направлении не отстает от зарубежных партнеров. В целях обеспечения юридической поддержки научно-технического прогресса, совершенствования законодательства и регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники в Российской Федерации принят комплекс нормативных актов, устанавливающих основные принципы правовых отношений, возникающих при внедрении искусственного интеллекта в различные сферы жизни общества: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.», Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» и др. В указанных документах подчеркивается важность разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, способствующих росту экономики,

ускорению инноваций во всех областях науки, повышению качества жизни населения и т.д. Для достижения поставленной цели определены следующие актуальные задачи, на решение которых должно быть направлено регулирование: «создание основ правового регулирования новых общественных отношений, формирующихся в связи с применением систем искусственного интеллекта и робототехники, имеющих преимущественно стимулирующий характер; определение правовых барьеров, затрудняющих разработку и применение систем искусственного интеллекта и робототехники в различных отраслях экономики и социальной сферы; формирование национальной системы стандартизации и оценки соответствия в области технологий искусственного интеллекта и робототехники»[1]. В перечне задач дальнейшего развития искусственного интеллекта в РФ указана необходимость «создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечением безопасности применения таких технологий»[2].

Актуальность темы обусловлена необходимостью решения комплекса научных задач в области права, связанных с применением технологий искусственного интеллекта для обработки информации, в том числе, в процессах анализа нормативных правовых актов, юридически значимых документов, обобщения информации, автоматического формирования результатов их обработки. Научная задача толкования закона, судебного толкования правовых норм постоянно находится в центре внимания юридической науки на протяжении многих лет и остается актуальной в настоящее время. Решение данной научной задачи имеет не только большое теоретическое значение, но и практическую

---

[1] Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://government.ru/docs/all/129505 (дата обращения: 01.08.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731/page/3 (дата обращения: 01.08.2025).

значимость, поскольку до сих пор существуют и встречаются требующие устранения несовпадения, недосказанности, неясности при определении соотношений духа и буквы закона, воли законодателя и текста положений закона.

Цифровизация современного общества обусловливает стремительную разработку и внедрение информационных технологий и систем искусственного интеллекта во все сферы жизни, в том числе в процесс судебного толкования правовых норм. Системы искусственного интеллекта реализуют процесс технологического толкования и смысловой обработки информации[3]. Следовательно, возникает необходимость рассмотрения аспектов толкования норм права системами искусственного интеллекта при обработке нормативных правовых актов, а также пределов данного толкования права с точки зрения норм права, морали и этики. Актуальность использования искусственного интеллекта при толковании законодательства обусловлена экспоненциальным ростом объемов неструктурированных данных, повышением их значимости, а также увеличением сложности решаемых юридических задач. Использование технологий искусственного интеллекта при толковании законодательства обеспечивает возможность повышения качества правосудия. Для реализации автоматической содержательной обработки информации необходимо решить комплекс научных задач по правовым и технологическим аспектам применения технологий искусственного интеллекта.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования характеризуется наличием в зарубежной и отечественной науке некоторых разрозненных результатов исследований по направлениям судебного толкования правовых норм, а также семантической интерпретации (понимания смысла) информации с использованием технологий искусственного интеллекта. Данные исследования велись в основном по отдельным, зачастую несвязанным

[3] См.: Информационно-библиотечный центр МИРЭА - Российский технологический университет [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ibc.mirea.ru/books/search/?search_field=Огарок (дата обращения: 01.08.2025).

направлениям юриспруденции и информационных технологий и не охватывают весь комплекс междисциплинарных юридических, технологических, морально-этических аспектов в области толкования законодательства судом и применения технологий искусственного интеллекта в этом процессе.

В связи с этим в настоящее время отсутствует научно-методический аппарат судебного толкования правовых норм на основе применения цифровых технологий искусственного интеллекта. Во многом это обусловлено тем, что развитие информационных технологий опережает создание нормативно-правовой базы их применения для судебного толкования и автоматической смысловой обработки юридически значимой информации.

Вопросами изучения интерпретации законов занимались выдающиеся ученые-правоведы прошлого, например, Р. Иеринг, Г. Кельзен, Р. Паунд, Л.И. Петражицкций, К. Савиньи, Г.Ф. Шершеневич, Е. Эрлих и др.

Современные научные исследования в области теории толкования правовых норм представлены научными трудами С.С. Алексеева, Е.В. Васьковского, А.Н. Верещагина, Э.Ю. Викторовой, А.В. Гаврицкого, Г.А. Гаджиева, П.А. Гука, А.С. Еременко, В.В. Ершова, А.А. Клишаса, В.В. Лазарева, З.И. Магомедовой, Н.С. Малютина, Н.И. Матузова, И.А. Минникеса, Л.А. Морозовой, Е.С. Николайчук, А.С. Пиголкина, Е.В. Пирмаева, А.И. Рулева, Н.В. Степанюк, Н.Е. Таевой, Е.М. Терехова, А.Ф. Черданцева и др.

Основные научные исследования в области возможностей применения цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта представлены трудами А.В. Бегичева, И.Р. Бегишевым, В.В. Блажеева, Л.С. Болотовой, М.В. Бундинова, Л.Ю. Василевской, Г.А. Грищенко, М.Б. Добробабы, И.В. Ершовой, А.В. Корнева, В.В. Момотова, П.М. Морхата, Д.А. Пашенцева, Е.Б. Подузовой, И.М. Рассолова, С.И. Сусловой, Ю.С. Цимермана, А.А. Щитовой и др.

Научные труды по исследованию правовых аспектов искусственного интеллекта ведутся, как правило, на общетеоретическом уровне без исследования

сути технологических и информационных процессов, определяющих содержание рассматриваемого объекта правового регулирования, а также выполняются по отдельным направлениям права (гражданско-правового, административного, уголовно-правового и др.). Это обусловливает то, что что известные публикации ученых во многом не охватывают полный комплекс актуальных нерешенных задач по теме научного исследования.

Актуальность комплексного рассмотрения сути технологических и информационных процессов искусственного интеллекта обусловлена необходимостью исследования его прозрачности, обеспечивающей объяснимость работы искусственного интеллекта и процесса достижения им результатов[4].

Одним из основных принципов нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, является, в том числе, квалифицированная экспертная оценка специалистами в области искусственного интеллекта[5].

Научные исследования искусственного интеллекта и его технологий по различным техническим направлениям представлены научными трудами: Т.Дж.М. Бенч-Капона (T.J.M. Bench-Capon), Н. Бострома, О.А Гаврилова, Д.М. Каца, М.Ю. Кондратьева, Н. Нильсона, Е.И. Носыревой, Д.А. Поспелова, Х. Праккен (H. Prakken), Р. Ригеля, А.В. Рубанова, Дж. Сартора (G. Sartor), Т. Сурдин (T. Sourdin), Я. ван ден Херика (J. van den Herik), К.Д. Эшли и др.

Объектом диссертационного исследования является содержание отношений, возникающих в процессе деятельности судебных органов по толкованию права; перспективы и возможности применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности, направленные на толкование

---

[4] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. 14 окт. № 41. Ст. 3, п. 19, п.п. в).

[5] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ … Ст. 5, п. 51, п.п. ж).

права и смысловой обработки юридически значимой информации, включающей известные факты, требующие юридической квалификации, с целью эффективного применения содержащихся в ней предписаний.

Предметом диссертационного исследования являются принципы функционирования, правовые, технические, моральные аспекты внедрения и применения технологий искусственного интеллекта в процесс судебного толкования права, а также потенциал и возникающие в этой связи проблемы.

Целью диссертационного исследования является разработка научно обоснованных теоретических положений, обеспечивающих научно-методическую базу создания и применения технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов судебного толкования права.

Для достижения указанной цели необходимо было поставить и решить следующие **задачи научного исследования**:

- сформулировать понятие «искусственный интеллект», учитывающее нормативно-правовые и технологические аспекты, характеризующие существенные признаки данного объекта толкования норм права. В рамках решения данной задачи требуется провести анализ содержания существующих определений понятия «искусственный интеллект» в законодательстве РФ, зарубежных государств, а также ГОСТов, определить семантическое ядро понятия и предложить универсальное определение понятия «искусственный интеллект», корректно учитывающее как юридические, так и технические особенности данного понятия;

- выработать научно обоснованные предложения по применению технологий искусственного интеллекта для автоматизации интерпретационной деятельности судей, учитывающие нормативно-правовые и технологические ограничения компьютерных систем по автоматической смысловой обработке информации. В рамках решения указанной задачи целесообразно рассмотреть роль и значение суда как основного субъекта судебного толкования, пределы свободы судейского усмотрения при толковании права, теоретическую и практическую значимость

судебного толкования права с учетом применения искусственного интеллекта в судебном толковании права;

- предложить способ толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта (технологический способ толкования права), описывающий возможность контролируемого применения человеком систем искусственного интеллекта в толковании права и обеспечивающий возможность формализации процессов интерпретации законодательства и смысловой обработки информации. Для решения данной задачи необходимо провести анализ возможности применения систем искусственного интеллекта в судебном толковании права на основе исследования объяснимости логики обработки информации и ее соответствия структуре и содержанию правовых норм (гипотеза - диспозиция - санкция), а также полноты и точности результатов толкования права компьютерными системами;

- сформулировать предложения по совершенствованию норм права при использовании систем искусственного интеллекта, позволяющие уточнить существующую нормативно-правовую базу в части положений, определяющих возможности и ограничения применения когнитивных систем в автоматизации деятельности судей.

Методология и методы диссертационного исследования основываются на комплексном подходе к анализу задач правового регулирования толкования права судом и выявлении перспектив использования технологий искусственного интеллекта в этом направлении.

Методологическую основу исследования составляют следующие методы научного познания:

- диалектический метод - для выявления и разрешения противоречий между юридическими аспектами судебного толкования права и нормативно-правовой базой применения технологий искусственного интеллекта;

- логический метод - для анализа содержания сути процессов судебного толкования права и их автоматизации на основе применения технологий

искусственного интеллекта с позиции методологии формальной логики исследования процессов;

- системный метод - для анализа объекта исследования с учетом множества междисциплинарных связей теоретического и прикладного применения правового регулирования технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права;

- прогностический метод - для определения направлений совершенствования нормативно-правовой базы в области повышения эффективности процессов судебного толкования права на основе применения технологий искусственного интеллекта.

Методика исследования базируется на выполнении комплекса поставленных задач по анализу существующих научно-методических подходов к толкованию законов, изучению понятия и основных характеристик предмета исследования, определению содержания задачи судебного толкования правовых норм, а также разработке научно-обоснованных положений по формированию единых подходов к толкованию правовых норм на основе анализа существующих научно-методических подходов к толкованию законов.

Эмпирической базой исследования являются опубликованные нормативные правовые акты РФ и зарубежных стран, различные работы отечественных и зарубежных ученых-правоведов: статьи, диссертации, монографии, учебная и учебно-практическая литература, а также прикладные практические материалы, документы судебной практики.

Научная новизна выбранного направления исследования определяется особенностями объекта и предмета, целью и задачами исследования, реализованными в работе методологическими подходами и решениями, обеспечившими получение новых научных результатов, имеющих важное теоретическое значение для применения искусственного интеллекта в судебном толковании права и практическую значимость для повышения качества правосудия. Потенциальная возможность повышения качества правосудия

обеспечивается за счет обоснования научно-методических решений по применению технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права для автоматизации смысловой обработки больших массивов информации и повышения доступности правосудия.

Также научная новизна диссертационного исследования заключается в теоретическом обосновании подходов к решению научной проблемы разработки методологии толкования законодательства с использованием технологий искусственного интеллекта и междисциплинарных методов научного исследования: диалектического метода познания содержания структур правовых норм, а также методологии анализа системотехнических решений по построению, функционированию и вербализации искусственных нейронных сетей.

Теоретической основой для проведения диссертационного исследования стали научные труды отечественных и зарубежных специалистов по правоведению, психологии (Б.Г. Мещерякова, Р. Стернберга), философии (П.Н. Барышникова, Л.Ф. Ильичева, Ф.Н. Ильясова, Д. Сёрля) и техническим наукам. Исследование выполнено на основе анализа научных взглядов, идей и концепций ведущих экспертов в области теории права и государства, а также истории юридической мысли и методов юридической техники, научно-методического базиса технологий искусственного интеллекта.

В настоящее время отсутствует единый комплексный научно-методический базис, содержащий полное и точное описание всех аспектов, необходимых для проведения диссертационных исследований по данному направлению. Поэтому при подготовке диссертации активно использовались научные работы специалистов различных отраслей и научных направлений права и информационных технологий.

Научные исследования в области толкования правовых норм также представлены научными трудами А. Барака, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, А.Я. Вышинского, Е.С. Зайцевой, В.Н. Карташова, А.В. Титовской и др.

Проблемам правового регулирования отношений в области информации, цифровых технологий и искусственного интеллекта на фоне процессов цифровизации посвящены труды В.А. Лаптева, А.В. Минбалеева, А.Ю. Петракова, Т.А. Поляковой, О.В. Танимова и др.

В данной работе используются работы этих и вышеуказанных авторов в качестве теоретической основы для проведения диссертационного исследования.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, федеральные конституционные законы, федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации, постановления Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного суда Российской Федерации, Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства Российской Федерации и отдельные нормативные правовые акты зарубежных стран.

Рассмотрение теоретических аспектов применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права позволило на основе формализации процессов толкования и смысловой обработки информации искусственными когнитивными системами детализировать содержание процессов познания смыслового содержания нормативных правовых актов и обрабатываемых документов искусственным интеллектом, определить содержание технологического способа толкования в эвристических и нейроматематических системах искусственного интеллекта, обосновать роль, место и функции технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права.

В ходе написания диссертации разработаны научно-методические положения, определяющие технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта, являющиеся базисом представления знаний, понимания и толкования норм права в интеллектуальных компьютерных системах.

По результатам проведенного исследования на защиту выносятся следующие научные положения, теоретическое обоснование которых содержится в настоящей работе:

1. Выявлены, систематизированы и проанализированы основные теоретические подходы, сложившиеся в юридической науке, к определению содержания понятия «искусственный интеллект».

На основе анализа имеющихся вариантов определения понятия «искусственный интеллект» сформулирована и научно обоснована следующая дефиниция: «Искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного эвристического алгоритма решения целевой задачи и достижения целей функционирования, самосознание и оценка норм поведения) и получать при выполнении задач восприятия и смысловой обработки информации результаты, сопоставимые с результатами когнитивной деятельности человека или превосходящие их, а также оценку получаемых результатов с точки зрения этических и правовых норм».

2. Научно обосновано, что перспективы применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права зависят от обеспечения баланса между автоматизацией процессов смысловой обработки информации и сохранением ключевой роли судей в интерпретации права с учетом безусловного контроля соблюдения принципов права, морали и этики. Для систем искусственного интеллекта отсутствуют нормативные правовые документы и техническая возможность соблюдения вышеизложенных принципов. Таким образом, пределы судебного толкования права системами искусственного интеллекта ограничиваются функциями автоматизации процессов деятельности суда, в том числе автоматической смысловой обработки информации и подготовки судебных решений. Однако функции окончательного принятия решений являются принципиальным ограничением возможности применения систем искусственного интеллекта в судебном толковании права.

3. С учетом развития и возможного применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности, в частности в процессе

толкования законодательства, научно обосновано выделение нового способа интерпретации права - технологического.

Предлагаемый способ толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта (технологический способ толкования права) определяет порядок действий, обеспечивающий возможность формирования проектов результатов толкования норм права системами искусственного интеллекта на основе применения обученных на верифицированных данных (действующее законодательство, внесение изменений в правовое регулирование, судебная практика, доктринальные и научные наработки ученых-правоведов и т.д.) цифровых моделей, которые определяют алгоритмы их функционирования и формирования проектов толкования права.

4. В результате исследования выявлено, что структурная корреляция принципов функционирования эвристических систем искусственного интеллекта с классической структурой правовой нормы (гипотеза-диспозиция-санкция) обеспечивает верифицируемость алгоритмов работы таких систем через формализацию правил логического вывода: «Если (условие), то (действие)». Ключевым риском нейроматематических систем выступает их семантическая непрозрачность («black box problem»), поскольку человечество пока не знает каким именно образом такие системы формулируют конечные результаты. Сложившаяся ситуация, таким образом, не гарантирует соответствия результата толкования этой технологией принципу правовой определенности. Это обусловливает принципиальную невозможность применения технологий искусственного интеллекта для принятия окончательных юридических решений с позиции обеспечения прозрачности принимаемых решений.

5. Обоснована принципиальная невозможность легитимизации искусственного интеллекта в качестве деликтоспособного субъекта ввиду отсутствия у него психофизиологических критериев вменяемости и когнитивной базы для установления умышленной вины (прямого или косвенного умысла). В этой связи интеграция искусственного интеллекта в сферу судебной

интерпретации правовых норм должна ограничиваться автоматизированной семантической обработкой правоприменительных данных, аутентификацией информационных массивов, систематизацией выводов и генерацией прецедентно-адаптированных проектов юридического толкования, сохраняя за человеком монополию на принятия окончательного решения.

6. Обоснована необходимость нормативного закрепления принципов обучения и функционирования технологий искусственного интеллекта, предусматривающих обязательную сертификацию технологий искусственного интеллекта, используемых для толкования правовых норм, на соответствие критериям целостности (integrity), достоверности (authenticity) и нефальсифицируемости (non-repudiation).

7. Выявлена и обоснована целесообразность применения систем искусственного интеллекта для судебного толкования права в условиях роста объемов неструктурированных данных, нехватки кадрового состава судебных органов и роста количества судебных разбирательств. Внедрение технологий искусственного интеллекта в правоинтерпретационную деятельность суда выступает в качестве движущей силы совершенствования правосудия и преодоления существующих проблем. Применение технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности имеет значительный потенциал для повышения эффективности и справедливости правоприменительной практики, однако требует решения проблем внедрения технологий искусственного интеллекта в правоинтерпретационную деятельность суда с учетом этики, морали, обеспечении безопасности и контроля со стороны человека.

8. Обоснована необходимость разработки нормативно-правовой базы, регламентирующей порядок и способы формирования доверенных верифицированных данных, содержащих достоверную информацию правовых норм; сертификацию программ обучения искусственных нейронных систем и способов обработки входных данных системами искусственного интеллекта для

обеспечения информационной безопасности и предотвращения ошибок при толковании правовых норм системами искусственного интеллекта.

9. Выявлено и обосновано, что возможность внедрения технологий доверенного искусственного интеллекта в судебное толкование права определяется нормативно-правовыми и технологическими аспектами, регламентирующими процессы толкования и смысловой обработки информации (правовых норм), а также разработку информационных технологий, обеспечивающих создание объяснимого искусственного интеллекта (Explainable Artificial Intelligence). Совершенствование норм права в сфере информационных технологий и систем искусственного интеллекта требует интеграции междисциплинарных регуляторных механизмов, включая техническое нормативное регулирование, этико-правовые стандарты и саморегулирование для адекватного отражения специфики нематериальной природы информации и алгоритмической обработки данных.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработаны научно обоснованные теоретические положения, обеспечивающие научно-методическую базу создания и применения технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов судебного толкования права, суть которых состоит в том, что:

- результаты определения роли и места технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права позволили уточнить возможности и ограничения применения искусственных когнитивных систем в автоматизации деятельности судей;

- сформулированное в работе определение понятия «искусственный интеллект» учитывает нормативно-правовые и технологические аспекты, характеризующие существенные признаки данного объекта толкования норм права, что обеспечивает унификацию междисциплинарной научно-методической базы исследований искусственного интеллекта;

- научно обоснованные предложения по применению технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов толкования права составляют методический базис, определяющий нормативно-правовые и технологические ограничения компьютерных систем по автоматической смысловой обработке информации;

- предложенный способ толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта (технологический способ толкования права) обеспечивает обоснование возможностей и ограничений систем искусственного интеллекта по интерпретации законов и их применению в судах;

- сформулированные предложения по совершенствованию норм права при использовании технологий искусственного интеллекта позволяют уточнить существующую нормативно-правовую базу в части положений, определяющих возможности и ограничения применения когнитивных систем в автоматизации деятельности судей.

Теоретическое значение диссертации, также состоит в правовом осмыслении актуальных научно-теоретических и научно-практических задач в рамках исследования искусственного интеллекта и права, в предложении авторских теоретико-методологических подходов к их комплексному исследованию, описанию и объяснению, обеспечивающих систематизацию междисциплинарных научных знаний в области применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права.

Практическая значимость результатов исследования определяется тем, что разработанные научно-обоснованные положения по теоретическим аспектам применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права, обеспечивают возможность автоматизации процессов семантической обработки юридически значимой информации.

Полученные при проведении исследования научные результаты имеют практическую значимость для повышения эффективности судебного толкования права на основе применения технологий искусственного интеллекта,

совершенствования законотворческой и правоприменительной деятельности, повышения качества юридического образования и правового воспитания, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта.

В ходе исследования разработаны практические предложения по:

- использованию технологий искусственного интеллекта при толковании законодательства на основе рассмотренных способов толкования правовых норм системами искусственного интеллекта;

- актуализации нормативного закрепления определения «искусственный интеллект».

Степень достоверности и апробация результатов.

Достоверность полученных результатов исследования подтверждается использованием апробированного научно-методического подхода к проведению научных исследований, непротиворечивостью полученных выводов и их согласованностью с научными и практическими результатами ранее выполненных исследований, апробацией полученных результатов исследования.

Диссертационное исследование выполнено на кафедре теории государства и права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», где проводились рецензирование и обсуждение. Результаты диссертационного исследования одобрены на заседании кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Результаты исследования изложены автором в опубликованных научных трудах общим объемом 26,3 п.л., в том числе в монографии и двух учебных пособиях, шести научных публикациях в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Основные положения и выводы диссертации также представлены в выступлениях на всероссийских, межрегиональных и региональных конференциях: в Юго-Западном государственном университете на Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Концепция развития частного права: стратегия будущего» (Курск, 2023 г.), в Московском финансово-юридическом университете МФЮА на X Всероссийской научно-практической конференции «Молодая наука - 2023» (Москва, 2023 г.), в Московском финансово-юридическом университете МФЮА на VIII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного законодательства» (Москва, 2023 г.).

Научные результаты диссертационного исследования используются для проведения лекционных и практических занятий в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «МИРЭА - Российский технологический университет»[6] и в Федеральном государственном автономном научном учреждении «Центр информационных технологий и систем органов исполнительной власти имени А.В. Старовойтова».

Структура диссертации. Цели и задачи диссертационного исследования обусловили структуру работы, которая состоит из введения, трех глав, содержащих в себе девять параграфов, заключения, списка используемых источников.

[6] См.: Информационно-библиотечный центр МИРЭА - Российский технологический университет [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ibc.mirea.ru/books/search/?search_field=Огарок (дата обращения: 01.08.2025).

Глава 1. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

1.1. Понятие, содержание и направления использования технологий искусственного интеллекта при толковании права судом

Соотношение духа и буквы закона, воли законодателя и текста положений закона, между которыми до сих пор существуют и встречаются требующие устранения несовпадения, недосказанности, неясности - это основная проблема толкования законодательства, которая вызывает множество споров в научной среде и по сей день.

А.Ф. Черданцев определяет толкование норм права как двуединую категорию, представляющую собой, с одной стороны, когнитивно-познавательную процедуру, сущность которой раскрывается в единстве его гносеологической составляющей (познание и декодирование семиотики правовой нормы) и формально-логического результата – интерпретационной дефиниции, имплицирующей правовой смысл в конкретные лингвистические формы[7].

На сегодняшний день большинство отечественных правоведов, в том числе, С.С. Алексеев[8], Н.Н. Вопленко[9], А.С. Пиголкин[10], Т.Я. Хабриева[11] и др., придерживаются позиции, что толкование имеет двойственную природу,

---

[7] См.: Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. М.: Статут, 2003. С. 5.

[8] См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1982. С. 290; Спасов Б.П. Закон и его толкование. М.: Юрист, 1986. С. 139.

[9] См.: Вопленко Н.Н. Толкование права. – Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 11.

[10] См.: Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Сб. Закон: создание и толкование. М.: Спарк, 1998. С. 66.

[11] См.: Правовая охрана конституции / Хабриева Т.Я.; Науч. ред.: Железнов Б.Л. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. С. 167.

поскольку именно взаимосвязанная деятельность субъекта по уяснению и по разъяснению норм права представляет собой единый процесс толкования.

Толкователю, действительно, предварительно необходимо уяснить правовую норму, понять самому ее содержание. Только в таком смысле можно говорить, что разъяснение является этапом, следующим за уяснением правовой нормы. Но это не исключает того, что разъяснение права является специальной деятельностью.

Например, Ю.Г. Ткаченко проводит четкую границу между «уяснением» и «разъяснением» права, утверждая, что «уяснение и разъяснение содержания - это два особых процесса, хотя и тесно связанных между собой. Первый - уяснение - обязательно предшествует второму - разъяснению. Но в то же время за уяснением не обязательно должно следовать разъяснение. Иногда вполне достаточно бывает уяснить смысл закона, чтобы вынести решение по конкретному делу»[12].

Нельзя в то же время считать, что эти аспекты толкования полностью изолированы и не связаны друг с другом. Некоторые советские ученые-юристы, например, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский, утверждают, что попытки отделить уяснение смысла и содержания правовых норм от толкования правового акта как разъяснения смысла правовых норм носят догматический характер, поскольку процесс познания правовых норм для себя никакого юридического значения не имеет[13]. Необходимо рассматривать толкование права как уяснение и разъяснение смысла закона, поскольку иначе, считая толкование только уяснением смысла положений закона, мы намеренно игнорируем саму деятельность по их разъяснению. В другом случае, сводя толкование лишь к разъяснению смысла закона, мы игнорируем первичный познавательный мыслительный процесс, который несомненно предшествует любому разъяснению.

---

[12] См.: Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение, М.: Госюриздат, 1955. С. 45.

[13] См. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы науки теории государства и права. Вестник Ленинградского университета. 1956. № 17, серия экономики, философии и права, вып. 3, С. 135.

Процесс уяснения положений закона предшествует процессу его разъяснения и именно взаимосвязь двух этих взаимопредполагающих друг друга процессов составляет деятельность по толкованию. В свою очередь В.В. Лазарев писал: «Разграничение уяснения содержания правовых норм и его разъяснение оправдано лишь в методических целях, в целях наиболее полного анализа той или другой стороны в деятельности по толкованию правовых норм»[14], что еще раз доказывает обоснованность принимаемой в данной научной работе позиции.

Исследуя человеческий и искусственный интеллект Ф.Н. Ильясов интересным образом соотнес процесс толкования информации человеком и искусственным интеллектом: «Вообще процесс понимания - это процесс квантования, благодаря чему мы можем понятое нами изложить в виде слов (квантов). В процессе функционирования интеллекта психика человека работает как аналоговое устройство и, следовательно, мысль в начальном своем виде - это информация, представленная в непрерывной форме, а изложение ее - соответственно процесс квантования»[15].

Исходя из этого, судебное толкование, как юридическая деятельность, включает в себя как интеллектуальный, так и волевой аспекты. Поскольку акт толкования представляет собой форму, в рамках которой интерпретируется положение законодательства, то акт судебного толкования права является результатом специализированной юридико-познавательной деятельности, осуществляемой уполномоченным субъектом правоприменения в процессе уяснения и последующего разъяснения смысла правовых норм.

В научных кругах довольно широко распространено мнение, что толкование закона является лишь одной из стадий процесса правоприменения и что

---

[14] Применение советского права / Лазарев В.В.; Науч. ред.: Волков Б.С. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 66.

[15] Ильясов Ф.Н. Разум искусственный и естественный // Известия АНТ, серия общественных наук. 1986. № 6. С. 46 - 54.

интерпретатор в процессе толкования ничего нового не создает[16]. С этой и иными подобными позициями нельзя согласиться, так как юридическая интеллектуально-волевая деятельность по интерпретации законов, включая судебное толкование, непосредственно и напрямую взаимосвязана с раскрытием и уяснением содержания правовых предписаний, регулирующих общественные отношения, устранением противоречий и пробелов в правовом регулировании. В то же время необходимо согласиться с теми правоведами, которые утверждают, что даже для организации процесса нормотворчества необходимо иметь четкие и ясные знания о содержании существующих и действующих положений гражданского законодательства. Например, А.Ф. Черданцев обосновывает положение, что «истолкование (интерпретация) норм права сопровождает весь правотворческий процесс»[17].

Так же И.И. Лукашук заостряет внимание на факте необходимости правильного толкования будущей нормы, с целью четкого уяснения ее содержания, прежде чем она будет окончательно оформлена в виде положения закона[18]. Можно утверждать, что процесс толкования обеспечивает процесс нормотворчества, систематизации законодательства и, тем более, правоприменительный процесс, то есть весь механизм правового регулирования. В случае если толкование, существующее в той или иной форме, наделено юридической силой и является обязательным для правоприменителей, то можно утверждать, что такое толкование будет способствовать правообразовательному процессу, а в случае, если акт толкования имеет индивидуальный характер, то он обеспечивает механизм правоприменения[19]. Значимость судебного толкования для совершенствования

---

[16] См.: Михайлова О.Р. Толкование норм налогового законодательства: Учебное пособие / Под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Дело, 2004. С. 39; Марченко М.Н. Теория государства и права. М.: Статут, 2002. С. 315.

[17] Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учеб. пособие для вузов. М.: Статут, 2003. С. 3.

[18] См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. – Т. 1: Заключение международных договоров. М.: Статут, 2004. С. 205.

[19] См.: Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. С. 228 - 229.

отечественного законодательства в целом не ограничивается уточнением смысла содержащегося в норах права, поскольку в процессе осуществления правоприменительной деятельности по разрешению правовых конфликтов органы судебной власти выявляют недостатки законодательного регулирования, например, пробелы и коллизии законодательства. В то же время судебные органы обнаруживают и обозначают новые общественно-экономические реалии, нуждающиеся в правовом регулировании. Однако, деятельность по интерпретации законодательства, в том числе судебная, обладает субъективным элементом, что означает возможность нескольких вариантов толкования одних и тех же правовых положений. В этой связи В.В. Старженецкий пишет, что выработка судебных правовых позиций способствует формированию единообразных подходов судейской интерпретации правовых норм[20]. В.П. Реутов писал, что устоявшееся и воспринятое судебной практикой толкование правовых предписаний (правоположение) способствуют более четкому уяснению законодательства, а также признавал, что правоположения, выработанные в процессе разрешения правовых споров, могут восполнять пробелы законодательного регулирования общественных отношений[21]. М.Г. Смирнова относя правоположения к «нетипичным источникам права», поскольку они отражаются не только в резолютивной, но и в мотивировочной части судебного решения, указала, что они являются «сгустками профессионального правосознания на грани их перерастания в юридические нормы» и, тем самым, служат возможным прообразом будущих нормативных предписаний законодательства[22].

---

[20] См.: Старженецкий В.В. Отсутствие единообразия судебной практики – нарушение прав человека? // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека [Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights]. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права. М.: Статут, 2015. С. 235.

[21] См.: Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства: дис. … канд. юрид. наук. - Свердловск, 1968. С. 139.

[22] См.: Смирнова М.Г. Правоположения судебной практика как нетипичный источник права //Ленинградский юрид. журн. 2006. № 1. С. 56.

Вышеприведенные позиции в совокупности своей справедливы. А.Ф. Черданцев указывал, что интерпретационная деятельность предполагает уяснение и раскрытие смысла правовой нормы с целью раскрытия полного смысла текста нормы и определения сферы ее применения, а ее результатом должны являться новые знания о норме права, которые с необходимостью следуют из толкуемого правового предписания[23].

Таким образом, толкование законодательных норм, являясь неотъемлемым элементом всего процесса правообразования, возникает в первую очередь ввиду того факта, что право, как социальный регулятор общественных отношений, характеризуется наличием его письменного закрепления в строго определенном текстуальном выражении. Подобная форма фиксации содержания права способствует достижению социальной стабильности за счет укрепления социального порядка. Однако ввиду долгосрочного характера существования права, являющегося частью надстройки над экономическим базисом любого общества, постепенно, вследствие развития базиса, требовалось и до сих пор необходимо корректировать надстройку в соответствии с требованиями, диктуемыми законами экономики, в том числе и через механизм толкования законодательства.

Важно отметить, что теоретико-правовая наука не дает однозначного ответа о соотношении толкования, конкретизации и актуализации правовых норм. Например, В.В. Лазарев отмечал целесообразность разделения толкования и конкретизации права, при всей их близости, в исследовательских целях[24]. Тем не менее он подчеркнул, что в процессе толкования законов конкретизация дает детальные, конкретные суждения о правовых нормах. Толкование, конкретизация и актуализация норм права представляют собой взаимосвязанные, но

---

[23] См.: Вопросы толкования советского права. Учебное пособие / Черданцев А.Ф.; отв. за вып.: Семенов В.М. - Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. С. 91.

[24] См.: Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Вопросы теории. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1975. С. 21.

дифференцированные юридические категории, направленные на уточнение и применение правовых норм с учетом конкретных жизненных обстоятельств. Конкретизация норм права основана на результатах толкования и направлена на придание норме большей определенности и детализации, приближая ее к конкретному применению. Актуализация норм права обеспечивает обновление нормы в более широком смысле, соответствуя изменяющейся социальной действительности.

В контексте настоящего исследования представляется оправданным тождественное использование терминов «толкование», «конкретизация» и «актуализация» закона.

Проблема определения сущности судебного толкования характерна, в том числе для законодательства США. Обычаи общего права наделяли судей значительными полномочиями по определению того, что является законным и поэтому существовало определенное понимание, что суды в США сохранили данное правомочие и в настоящее время. В одном из самых известных решений Верховного Суда США по делу Марбери против Мэдисона суд заявил: «Определять, что считается законным является непосредственно прерогативой и обязанностью именно судебной власти. Орган, применяющий норму права, должен при необходимости интерпретировать и разъяснить ее»[25].

Основной задачей суда в США при толковании законодательства является определение воли законодателя исследуемого положения закона[26]. Так, например, законодательство штата Миннесоты так определяет эту задачу: «Цель любого толкования законодательства и его дополнения состоит в том, чтобы установить и обеспечить осуществление воли законодателя»[27]. Судья не может просто пойти в законодательный орган и спросить о цели принятия конкретного закона. В процессе толкования основное внимание уделяется юридической лексике, с

[25] Marbury v. Madison, 5 U.S. 137, 177, 2 L. Ed. 60 (1803).
[26] State v. Struzyk, 869 N.W.2d 280 (Minn. 2015).
[27] Minnesota Statutes 2023, chapter 645, section 645.16.

использованием которой изложено интерпретируемое правовое положение, потому как именно прояснение применяемых в тексте формулировок лучше всего обеспечивает на практике предполагаемое законодателем правильное применение законодательных положений при регулировании общественных отношений. Однако необходимо отметить, что «буквальное значение формулировок в правовом акте применяется тогда, когда смысл этого правового акта является понятным»[28]. Такой подход применяется даже если есть основания полагать, что буквальное толкование формулировок не отражает действительной воли законодателя. Как только судом будет установлено, что формулировки правовых предписаний нормативного акта не поддаются двоякому толкованию, суд не примет другие аргументы и доказательства противоречия судейского толкования воли законодателя, поскольку исследование текста правового акта «направлено на выявление воли законодателя при помощи норм толкования недвусмысленного юридического языка»[29]. Применение метода буквального судебного толкования законодательства зачастую осложнено семантической неоднозначностью лингвистических конструкций нормативных правовых актов, а также их прагматической интерпретацией судами.

В этой связи наглядно проявляется и актуализируется политическая значимость института толкования, поскольку субъект, наделенный правом определять содержание и смысл правового предписания, фактически наделяется значительной политической властью, связанной с правовыми возможностями воздействия на общественные отношения.

Следовательно, успешная реализация процедуры толкования в отношении законодательных текстов детерминирована необходимостью реконструкции и уяснения объективного смысла правовых норм. Вместе с тем, в рамках методологического аппарата юридической науки отсутствует детерминированный

---

[28] State v. Boecker, 893 N.W.2d 348, 351 (Minn. 2017).
[29] State Farm Mut. Auto. Ins. Co. v. Metro. Council. Court of Appeals of Minnesota. Dec 16, 2014. 854 N.W.2d 249 (Minn. App. 2014).

критерий для верификации корректности интерпретации нормативно-правовых предписаний. Ввиду своей практико-ориентированной природы, критерий валидности (истинности) юридической интерпретации, как структурный компонент правоинтерпретационной методологии, детерминирует необходимость его комплексной научной разработки в рамках современной теоретико-правовой парадигмы[30]. Е.М. Терехов обосновывает, что основополагающее предназначение интерпретации права на современном этапе — это осмысление и актуализация нормативного содержания законодательных предписаний, являющееся прямым следствием масштабных трансформаций в ключевых сферах общественной жизни, которые получают свое отражение в актах нормативной интерпретации через призму правосознания субъектов толкования права[31]. В связи с этим следует признать, что традиционная установка на реконструкцию субъективного замысла законодателя эволюционировала в сторону приоритета объективированного смысла правового текста, который в современных условиях составляет действительный предмет интерпретационной деятельности. Н.С. Малютин акцентирует, что сама концепция правильного (истинного) толкования права порождает комплексную теоретическую проблему, обусловленную отсутствием универсального и однозначного критерия для верификации его результатов[32].

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной правовой доктрине нет единства позиции по поводу места, роли и сущности толкования нормативных правовых положений в целом, и института судебного толкования законодательства в частности.

---

[30] Пишина С.Г. Проблемы определения критерия истинности толкования правовых норм как элемента правоинтерпретационной техники. Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородская академия МВД РФ», 2010. № 2(13). С. 92.

[31] Терехов Е.М. Анализ целевой составляющей правоинтерпретационной деятельности. Правовая парадигма. Волгоград: ВолГУ, 2017. Т. 16. № 3. С. 52.

[32] См.: Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 7

Необходимо обозначить, что природа толкования положений закона основывается в то же время на культурно-историческом контексте и системе ценностей общества. Поэтому с этой позиции проблематика заключается в том, что законодателем, правоприменителем и интерпретатором положений закона являются разные субъекты, обладающие собственным правопониманием и юридической картиной мира, что не только затрудняет определение первоначальной воли законодателя, но и порой выражается в нетождественности языка интерпретации правовых положений, в различном прочтении и написании текста закона, ибо разные субъекты могут обладать разными культурным и политико-правовым мышлением. Таким образом происходит возможность допущения коллизий в получении достоверного и объективного знания о границах и предмете интерпретации закона, регулирующего общие социальные отношения. В.И. Ленин в свое время писал: «Есть тысячи буржуазных адвокатов и чиновников, ..., умеющих истолковать законы так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов»[33].

Поскольку объектом юридической интерпретации права является текст нормы права, ее символьное выражение, то и специфика данного объекта заключается главным образом в том, что в текстовом виде не удается однозначно и в полной мере отразить содержание заложенной в него идеи, но в то же время нередко присутствуют проблемы юридической техники и несовершенство законодателя, проявляющееся в недостаточном профессионализме и в отсутствии должной теоретической и практической подготовленности в сфере юриспруденции.

Необходимость толкования закона вызвана следующими причинами:

- юридические нормы, как правило, выражаются специальными правовыми понятиями и нередко в тексте норм применяют терминологию из других наук;

[33] Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1965-1975. 5-е изд. Т. 37. С. 285.

- правовые положения зачастую содержат оценочные понятия, требующие легальной доктринальной интерпретации, а также могут обладать признаками коллизионности, что порождает необходимость их системного согласования;

- законодательные дефиниции нередко характеризуются лингвистической неопределенностью, порождающей неоднозначность их интерпретации;

- интерпретация закона часто необходима вследствие противоречия между динамикой общественных отношений и формальным характером правовых предписаний. Ввиду формальной определенности юридические нормы сами по себе остаются стабильными и неизменными до их изменения, в то время как экономический оборот и общественная жизнь населения постоянно развиваются.

Касательно теории интерпретации норм права Е.В. Васьковский справедливо утверждал: «Для установления законности в государстве и обеспечении равенства всех граждан перед законом необходимо, чтобы суды и органы административной власти правильно понимали и единообразно применяли законы. И первое, и второе может быть достигнуто путем соблюдения правил, установленных теорией толкования права. Благодаря их соблюдению можно избежать случайных ошибок и решить дела в соответствии с существующим содержанием законов, а также единообразным образом»[34].

Важность выделения как самостоятельного явления института судебного толкования права и очевидный интерес к этому процессу с точки зрения влияния этого института на общее состояние правовой системы государства со стороны ученых-юристов как прошлого, так и настоящего, обусловлен в первую очередь поиском практических решений правовых проблем, возникающих в связи с усложнением и укрупнением системы законодательства. Обеспечение защиты интересов общества и государства, а также прав и свобод человека во многом обеспечивается именно органами судебной власти ввиду того, что именно суд выступает тем субъектом, который передает смысл юридических положений и

[34] Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. М.: Статут, 2016. С. 240 - 241.

волю законодателя в форме конкретных решений, влияющих на интересы отдельных индивидов и целых социальных групп.

В процессе интерпретации юридических текстов суд неизбежно проявляет элементы творчества в попытках преодолеть правовые коллизии и неточности в законодательном регулировании, и зачастую вплотную приближается к рубежу, отделяющему уяснение и разъяснение от правотворчества. При этом интерпретация положений законодательства, как верно заметил Н.И. Матузов, прибавляя новое знание о норме права, не создает новой нормы и ни в коей степени не изменяет интерпретируемую. Речь идет только об анализе, изучении, уяснении, разборе и разъяснении действующего положения[35].

Так, содержание судебного толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта предусматривает применение специальной обученной на массиве верифицированных данных системы искусственного интеллекта для автоматического уяснения и разъяснения правовых предписаний, осуществляемых под строгим контролем судьи (субъекта - человека). Реализуемые системами искусственного интеллекта технологические процессы смысловой интерпретации текстов нормативных правовых актов и иных загруженных в нее документов по сути идентичны процессам мыслительной деятельности юристов в процессе уяснения информации. Из текстов нормативных правовых актов системы искусственного интеллекта извлекают логические правила обработки информации «если - то», описывающие содержание действий формулой «объект - предикат - субъект». Данные правила логически соответствуют структуре правовых норм «гипотеза - диспозиция - санкция». Эти правила образуют базу знаний системы искусственного интеллекта. Также системы искусственного интеллекта извлекают из текстов решений, постановлений и тому подобных юридических документов

[35] См.: Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности "Юриспруденция" / Н.И. Матузов, А.В. Малько. Саратовский филиал ин-та государства и права Российской акад. наук. - Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2007. С. 140.

информацию: объекты, субъекты и отношения между ними, которые формируют онтологию предметной области (так называемую в информатике «картину мира», описывающую данные о рассматриваемой ситуации). Системы искусственного интеллекта реализуют процесс уяснения информации, при котором формируются правила обработки информации и данные о ситуации.

Таким образом семантическая обработка (понимание смысла) информации системами искусственного интеллекта эквивалента по содержанию процессу уяснения информации субъектами толкования норм права. Технологии искусственного интеллекта позволяют формировать документы, содержащие интерпретацию норм права (разъяснение). Однако когнитивная деятельность компьютерных систем по толкованию законодательства и юридических документов не является эквивалентом интерпретационной деятельности субъектов толкования в рамках существующей теории права. Использование технологий искусственного интеллекта помогает быстро обрабатывать большой объем информации, однако окончательное решение требует профессиональной судейской оценки всех обстоятельств дела.

В механизме правового государства судебная практика служит важным инструментом адаптации права, обеспечивая его эволюцию и формализацию через акты легального толкования. Традиционным способом достижения единообразной интерпретации законов является обращение судов к юридическим прецедентам, нормативным актам и общим принципам права. Однако стремительное развитие современных технологий, в частности искусственного интеллекта, открывает новые горизонты для автоматизации и повышения эффективности судебного толкования. Толкование правовых норм гарантирует действительную реализацию и надлежащую правовую охрану правомочий и законных интересов участников правоотношений. Аутентичное и верное толкование правовых норм минимизирует правовые неопределенности и обеспечивает консолидацию правоприменительной практики. В контексте динамики законодательства и трансформации общественных отношений требуется перманентное совершенствование методов и

подходов к толкованию, предполагающее их адаптацию к актуальному социальному контексту и вызовам современности.

Развитие научно-методической базы юриспруденции и информационных технологий обеспечивает возможность прикладного применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права. Расширение области прикладного применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права зависит от технологических возможностей компьютерных когнитивных систем, а также от нормативно-правовой базы, определяющей принципы и пределы их использования.

Хотя системы искусственного интеллекта не обладают статусом субъекта толкования правовых норм в силу отсутствия правосубъектности, они технически обеспечивают выполнение информационно-аналитического обеспечения процессов толкования, включая семантический анализ и синтаксическую обработку юридических текстов.

Процесс толкования нормативно-правовых предписаний с применением цифровых инструментов характеризуется значительной структурной сложностью, что порождает потребность в глубокой междисциплинарной интеграции юриспруденции и компьютерных наук. Семантическая обработка информации с использованием технологий искусственного интеллекта представляет собой мощный инструмент, способный значительно упростить и ускорить этот процесс. Развитие технологий искусственного интеллекта и их интеграция в юридическую практику обеспечивают базис для более точного и эффективного применения права при автоматизации процессов толкования и семантической обработки информации.

Современные технологии искусственного интеллекта находят всё большее применение в юридической деятельности, начиная от автоматизации простых процедур и заканчивая поддержкой сложных аналитических процессов. Вместе с тем, судебная деятельность характеризуется высоким уровнем сложности и требует глубокого понимания контекста, целей законодательного регулирования и

общественных интересов, что признается, в том числе, председателем совета судей России В.В. Момотовым[36]. Вопрос о том, насколько процессы толкования правовых норм могут быть автоматизированы с использованием технологий искусственного интеллекта вызывает оживленные дискуссии в профессиональном и научном сообществе. Во многом это обусловлено тем, что толкование права - это не просто механическое сопоставление фактов с нормами, а творческий процесс, который требует учёта многих факторов, в том числе социальных, экономических и моральных.

Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[37] содержит прямое нормативное указание, что технологии искусственного интеллекта обладают функциональной способностью к интерпретации (толкованию) данных и решению интеллектуальных задач с эффективностью, сопоставимой или превышающей результаты человеческой когнитивной деятельности. В то же время указывается, что алгоритмы работы современных нейронных технологий искусственного интеллекта крайне сложны для понимания их человеком.

Актуальными направлениями научных исследований в области правового регулирования искусственных когнитивных систем являются: детерминация деликтной ответственности за действия и решения, генерируемые автономными когнитивными системами, обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных, интеллектуальной собственности, а также этические и социальные последствия их использования[38]. Современная юридическая наука

---

[36] Выступление председателя Совета судей Российской Федерации Момотова В.В. на пленарном заседании Совета судей РФ 5 декабря 2023 года // Совет Судей Российской Федерации. Режим доступа - http://www.ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/52649 (дата обращения: 01.08.2025)

[37] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации ... Ст. 5700.

[38] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта [Электронный ресурс] : монография. М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. С. 61.

демонстрирует консолидированный исследовательский фокус на решении методологических проблем имплементации когнитивных технологий в правовую сферу, с особым акцентом на трансформацию судебной деятельности через внедрение интеллектуальных систем[39].

Наиболее значимой проблемой применения технологий искусственного интеллекта является отсутствие логической интерпретации принимаемых решений[40]. Данный факт оказывает влияние на многие юридические, моральные и этические аспекты применения искусственного интеллекта. В.В. Момотов аргументирует, что специфика профессиональной деятельности судьи детерминирована не только компетенцией в области корректной правовой интерпретации, но и способностью к анализу психологических и этических параметров конкретного дела, что формирует качественную уникальность судебной работы, остающейся в настоящее время недоступной для систем искусственного интеллекта[41]. В настоящее время системы искусственного интеллекта при формировании проектов решений не учитывают морально-этические ограничения на действия, обеспечивающие достижение цели, а также нравственные убеждения в пределах судейского усмотрения.

Наиболее значимыми проблемами и рисками применения искусственного интеллекта являются следующие:

- правовые риски, связанные с функционированием технологий искусственного интеллекта, включают вероятность возникновения дисфункций и системных предубеждений. Данная проблема детерминирована самой гносеологической природой машинного обучения, в рамках которого система

---

[39] См.: Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М.: Инфра-М, 2019. С. 142.

[40] См.: Огарок М.А. Перспективы использования искусственного интеллекта при толковании законодательства. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 81.

[41] См.: Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. М.: МГЮА. № 5, 2021. С. 190.

выявляет статистические корреляции в массивах данных, а не оперирует верифицированными нормами, сформулированными правотворческим органом. Например, в судах США для определения вероятности рецидивизма обвиняемых применяется система COMPAS (Correctional Offender Management Profiles for Alternative Sanctions), разработанная на основе применения технологии машинного обучения. Данная система осуществляет комплексный анализ рисков для общественной безопасности, оценки соответствия принципам справедливости и обеспечения расового равенства. В пенитенциарной сфере она обеспечивает поддержку принятия решений относительно режима содержания, программ коррекционного воздействия и направления осужденных в реабилитационные программы как альтернативных мер пенитенциарному воздействию[42]. Система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions) неоднократно становилась объектом критики вследствие систематических методологических дефектов, выражающихся в репродуцировании расовых и социальных стереотипов при оценке криминогенного риска. Эмпирические исследования выявили дискриминационные паттерны в алгоритмических решениях системы, что противоречит принципу равенства перед законом и нормативно-правовым требованиям к объективности правоприменительных процедур[43];

- определение ответственности за принятые решения. В ситуации, где судебное постановление основывается на выводах искусственного интеллекта, актуальной является проблема установления ответственности в случае допущенной ошибки. На современном этапе развития права актуализируется проблема идентификации субъекта ответственности за действия, совершаемые системами искусственного интеллекта. Требуется доктринальное разграничение

[42] См.: Brennan T, Dieterich W. (2017). Correctional Offender Management Profiles for Alternative Sanctions (COMPAS). P 5.
[43] См.: Herrschaft B.A. Evaluating the reliability and validity of the Correctional Offender Management Profiles for Alternative Sanctions (COMPAS) tool: implications for community corrections policy. Dissertation Ph.D. Newark, New Jersey. 2014. P 38.

обязанностей между судьей, использующим результаты работы искусственного интеллекта, оператором системы, ее разработчиком и создателем массива обучающих данных. Указанная проблема остается одной из центральных дилемм, требующих юридического урегулирования;

- отсутствие открытости и объяснимости алгоритма функционирования искусственного интеллекта, обусловленной тем, что логика формирования решения системой искусственного интеллекта определяется обученной моделью. В настоящее время отсутствует способ воспроизведения алгоритма функционирования таких технологий. Иными словами, отсутствует научно-методический аппарат и средства, обеспечивающие понимание того, как именно были сделаны выводы искусственным интеллектом. Это создаёт препятствия для эффективного контроля со стороны судей и участников процесса, желающих убедиться в обоснованности принятых решений.

Практика использования искусственного интеллекта в зарубежных юрисдикциях представлена следующими реализациями аналитических систем: Doctrine.fr, Prédictice, Case Law Analytics, JurisData Analytics (Франция), Luminance, HART (Великобритания), Watson/Ross, Lex Machina (США) и т.д. Однако формируемые системами искусственного интеллекта проекты юридических решений не могут быть интерпретированы юридическими положениями, подтверждающими соответствие конкретного решения закону, а сами системы искусственного интеллекта не могут различать законные и незаконные аргументы рассматриваемой ситуации[44].

Перспективы дальнейшего использования искусственного интеллекта в правовой сфере выглядят весьма оптимистично[45]. Технологические разработки

---

[44] См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях. Принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года). С. 32.

[45] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А. Проектирование интеллектуальных информационных систем [Электронный ресурс]: Учебное пособие. М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. С. 84.

продолжают совершенствоваться, стремясь создать более прозрачные и надёжные алгоритмы. Можно предположить, что в ближайшем будущем искусственный интеллект станет неотъемлемым элементом судебной системы, оказывая существенную помощь судьям в принятии обоснованных и справедливых решений.

Важно понимать, что искусственный интеллект не заменяет человеческое мышление, а скорее выступает в роли вспомогательного инструмента. Приоритетная роль судьи как интерпретатора права должна сохранять свою непререкаемую значимость, однако его деятельность может быть оптимизирована за счет внедрения технологий искусственного интеллекта, обеспечивающих повышение оперативности, минимизацию субъективного фактора и всесторонний учет релевантного правового контекста. В качестве иллюстрации, в юрисдикции штата Аризона (США) осуществляется апробация чат-бота, представляющего собой форму алгоритмизации процессуальных действий в рамках автоматизации правосудия. Эта система по запросу пользователя оценивает возможность снятия судимости. При положительном ответе бот помогает с заполнением ходатайства и подачей его в суд, где решение принимается человеком[46].

Таким образом, искусственный интеллект представляет собой мощный инструмент для модернизации судебной системы, открывая новые горизонты для оптимизации правовых процессов. Тем не менее, успешное внедрение искусственного интеллекта требует тщательной проработки вопросов ответственности, прозрачности и устранения возможных предвзятостей.

Только соблюдая принципы справедливости, объективности и законности, искусственный интеллект сможет внести значительный вклад в улучшение качества правосудия.

---

[46] Chien Colleen V. et al. How Generative AI Can Help Address the Access to Justice Gap Through the Courts // Loyola of Los Angeles Law Review. - Forthcoming, 2024. Режим доступа - https://ssrn.com/abstract=4683309 (дата обращения: 06.09.2024).

1.2. Основные подходы к пониманию и определению искусственного интеллекта в юридической и технической литературе

Теоретическое осмысление использования систем искусственного интеллекта в интерпретационной деятельности суда предполагает в качестве исходного условия выработку доктринального понимания данного феномена. Фундаментальное определение было предложено Д. Маккарти на Дартмутском семинаре (1956 г.), где искусственный интеллект трактовался как научная и технологическая отрасль, ориентированная на конструирование мыслящих машин и, в ключевой степени, - автономных интеллектуальных программных алгоритмов[47]. Данное определение носит общий характер и его необходимо уточнять для применения в различных аспектах рассмотрения искусственного интеллекта. В настоящее время в юридической науке отсутствует унифицированное понимание искусственного интеллекта, при этом большинство определений носят атрибутивный характер, фокусируясь на внешних проявлениях, что препятствует формированию последовательного регуляторного подхода[48].

Неурегулированность терминологического аппарата в отношении искусственного интеллекта создает значительные правовые риски и барьеры для его интеграции. Эта нормативная неопределенность осложняет деятельность как научного сообщества, так и правоприменителей, вынужденных взаимодействовать с технологиями, которые получают повсеместное распространение при отсутствии четких критериев их идентификации и регулирования[49].

С учетом изложенного, актуализируется потребность в разработке легальной дефиниции понятия «искусственный интеллект», которая должна отражать

---

[47] McCarthy J. What is Artificial Intelligence? Stanford University. Revised 12.11.2007. P. 2.

[48] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А. Проектирование интеллектуальных информационных систем [Электронный ресурс]: Учебное пособие. М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. С. 85.

[49] См.: Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник удмуртского университета / Экономика и право. 2022. Т. 32, вып. 6. С. 1094.

корреляцию юридически значимых, технологических и социальных детерминант, необходимых для решения научно-практических задач в различных областях, включая сферу судебного толкования права с применением соответствующих технологий. Ряд национальных правопорядков демонстрирует тенденцию к регламентации данной области посредством принятия специализированных законодательных актов. Однако подобные инициативы носят фрагментарный характер и сосредоточены преимущественно на отдельных аспектах регулирования создания и эксплуатации информационных технологий, а также систем искусственного интеллекта. В настоящее время приоритет в правовом регулировании смещен в сторону разрешения научно-методических проблем, связанных с определением деликтной и иных видов ответственности за вред, причиненный действиями систем искусственного интеллекта, а также с обеспечением защиты персональных данных и сохранности конфиденциальной информации, подвергаемой обработке с использованием данных систем[50].

Неопределенность дефиниции «искусственный интеллект» также сказывается на возможности эффективного использования судебной практики. Судьи зачастую сталкиваются с трудностями при квалификации действий, совершенных с использованием технологий искусственного интеллекта, поскольку существующие правовые нормы часто недостаточно адаптированы к новым реалиям современного общества. В частности, актуализируется проблема атрибуции вины и распределения ответственности между субъектами, использующими системы искусственного интеллекта, особенно в ситуациях генерации алгоритмами автономных решений, повлекших за собой наступление вредоносных последствий. Нормативная неопределенность базового понятия «искусственный интеллект» блокирует формирование и имплементацию стандартов качества и безопасности для технологий искусственного интеллекта. Это вызывает дополнительные риски для их применения в критически важных

[50] См.: European Parliament. (2018). General Data Protection Regulation (GDPR). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://gdpr-info.eu/ (дата обращения: 01.08.2025).

областях человеческой деятельности, таких как юриспруденция, медицина, транспорт, финансы и безопасность.

Основными последствиями отсутствия точной и полной формулировки понятия «искусственный интеллект» являются следующие:

- отсутствие полной правовой определённости по всем аспектам искусственного интеллекта ведет к увеличению рисков для общества. В частности, это касается вопросов правовых и морально-этических норм, связанных с применением искусственного интеллекта. Без четких правовых рамок трудно регулировать такие важные направления, как защита частной жизни, предотвращение дискриминации и обеспечение справедливости в принятии решений системами искусственного интеллекта. Технологии искусственного интеллекта могут стать объектом принципиально новых типов компьютерных атак злоумышленников, направленных не на получение доступа к данным, а на несанкционированное получение и использование информации, хранящейся в различных вариантах представления данных;

- недостаточная регламентация искусственного интеллекта может привести к экономическим потерям. Например, разработчики и операторы систем искусственного интеллекта могут столкнуться с неопределенностью относительно их правовых обязательств и потенциальных санкций за действия искусственного интеллекта. Это сдерживает инвестиции в инновационные проекты и замедляет процесс внедрения информационных технологий и систем искусственного интеллекта;

- для ученых и исследователей отсутствие четкого определения искусственного интеллекта представляет собой серьезное препятствие, поскольку без однозначного понимания того, какие именно технологии и методы относятся к категории «искусственный интеллект», сложно оценивать юридические аспекты практического применения искусственного интеллекта.

Основными направлениями решения рассматриваемой проблемы являются следующие:

- необходима разработка универсального юридического определения понятия «искусственный интеллект». Такое определение должно учитывать соответствующие аспекты информационных технологий, функциональные особенности систем искусственного интеллекта, возможности, ограничения и потенциальные социальные последствия их применения. Важно, чтобы оно было достаточно гибким, для охвата широкого спектра информационных технологий и областей прикладного применения, но одновременно четким и конкретным, чтобы исключить двусмысленности в правоприменении;

- учитывая глобальный характер процессов развития информационных технологий и систем искусственного интеллекта, необходима организация международного сотрудничества в сфере разработки и принятия единых стандартов и норм. Совместные усилия международных организаций, таких как ООН, Всемирная торговая организация и Международный союз электросвязи, могли бы способствовать созданию согласованной международной нормативно-правовой базы искусственного интеллекта;

- создание специализированных законодательных актов, направленных исключительно на регулирование различных аспектов применения технологий искусственного интеллекта. Такие законы должны предусматривать механизмы контроля и надзора за деятельностью систем искусственного интеллекта, устанавливать критерии ответственности разработчиков и операторов, а также обеспечивать защиту прав потребителей и пользователей.

Таким образом отсутствие четкой юридической дефиниции понятия «искусственный интеллект» влечет за собой серьезные негативные последствия для всех участников общественных отношений. Эти последствия проявляются в форме правовых коллизий, экономических потерь и социальной нестабильности. Для преодоления указанных трудностей необходимы совместные усилия юристов, политиков и представителей бизнеса. Только комплексный подход, включающий разработку универсальных определений, международное сотрудничество и

специализированное законодательство, позволит создать условия для безопасного и эффективного использования искусственного интеллекта в современном мире.

Исследуя определения понятия «интеллект» говорить о единстве мнений у социологов, философов, представителей иных гуманитарных наук и представителей медицинских профессий не приходится. Например, Большой психологический словарь под редакцией доктора психологических наук Б.Г. Мещерякова определяет это понятие как: «1) общая способность к познанию и решению проблем, определяющая успешность любой деятельности и лежащая в основе других способностей; 2) система всех познавательных (когнитивных) способностей индивида: ощущения, восприятия, памяти, представления, мышления, воображения»[51]. Р. Стернберг, известный американский психолог, профессор психологии Оклахомского университета, под интеллектом понимает «качество психики, состоящее из способности осознавать новые ситуации, способности к обучению и запоминанию на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций, и использованию своих знаний для управления окружающей человека средой»[52]. Философский энциклопедический словарь определяет интеллект как «способность мышления, рационального познания, в отличие от таких, например, душевных способностей, как чувство, воля, интуиция, воображение и т.п.»[53]. Ф.Н. Ильясов очень механистически определил понятие «интеллект», указав что это «способность системы создавать в ходе самообучения программы (в первую очередь эвристические) для решения задач определенного класса сложности и решать эти задачи»[54]. В приказе Ростехрегулирования от 15 декабря 2009 г. № 959-ст ГОСТ Р 43.0.5-2009

[51] Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 672 с.
[52] Sternberg R. J. Mechanisms of cognitive development. N.Y., 1984. P. 312.
[53] Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1983. С. 210.
[54] Ильясов Ф. Н. Разум искусственный и естественный // Известия АНТ, серия общественных наук. 1986. № 6. С. 46 - 54.

определение «интеллект» трактуется как способность субъекта «к отвлеченному мышлению, абстрагированию, позволяющая с возникновением самосознания и рефлексии использовать имеющуюся у него информацию некоторым полезным целенаправленным образом»[55]. В словаре С.И. Ожегова «интеллект» понимается как мыслительная способность, умственное начало, определяющее деятельность человека[56].

Однако, можно заметить некоторые характерные для большинства определений общие черты, характеризующие исследуемое понятие, такие как рациональное мышление, способность решения проблем, способность к обучению.

Попытка официального определения понятия «искусственный интеллект» в России представлена в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[57] и Федеральном законе от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ»[58].

---

[55] ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://docs.cntd.ru/document/1200079262 (дата обращения: 01.08.2025).

[56] Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. М. : Оникс ; Мир и образование, 2007 С. 322

[57] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[58] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

В ст. 1 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 указано, что: «искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»[59].

В п. 2 ст. 2 Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ определено, что: «искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»[60]. Близкое по смыслу определение приведено в ГОСТ Р 59921.3-2021 (ИСО/МЭК 22989:2022)[61] и в ГОСТ Р 70949-2023[62], в которых указано, что: «искусственный интеллект это способность технической системы имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач

[59] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» … Ст. 5700.

[60] Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта … Ст. 2701.

[61] См.: ГОСТ Р 59921.3-2021 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. ч.3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://rst.gov.ru:8443/file-service/file/load/1682520929727 (дата обращения: 01.08.2025).

[62] См.: ГОСТ Р 70949-2023 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности. Варианты использования [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://moitvivt.ru/downloads/gost_70949.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Существующие легальные определения, хотя и отражают отдельные сущностные свойства искусственного интеллекта, тем не менее, в свете доктринальной оценки А.В. Минбалеева, характеризуются недостаточной полнотой, поскольку не имплементируют в свою конструкцию весь спектр особенностей данного объекта правового регулирования[63].

Формулировка «поиск решений без заранее заданного алгоритма» отличается высокой степенью правовой неопределенности и нуждается в детализации для придания ей нормативной определенности и применимости в правоприменительной практик. В данном аспекте подразумевается отсутствие эвристического алгоритма, определяющего совокупность последовательных операций (в соответствии с определёнными правилами) для решения целевой задачи функционирования системы. Организационно-вычислительная основа технологий искусственного интеллекта объективно предполагает наличие системообразующих алгоритмов, к числу которых относятся: загрузка обучающих данных, программного обеспечения и обученных моделей, эмуляция функций искусственных нейронов, координация передачи данных между слоями нейросети и агрегация выходных результатов. Поэтому целесообразно указать на то, что поиск решений искусственным интеллектом осуществляется без заранее заданного эвристического алгоритма решения целевой задачи и достижения целей функционирования, с использованием массивов исходных данных для обучения искусственного интеллекта. Кроме того, данные определения следует дополнить тем, что системы искусственного интеллекта позволяют не только «получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их», но также выполнять задачи, требующие автоматической смысловой обработки

[63] Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник удмуртского университета / Экономика и право. 2022 Т. 32, вып. 6. С. 1094 - 1099.

информации. Данное уточнение необходимо ввиду того, что системы искусственного интеллекта в результате смысловой обработки информации не обязательно создают результаты интеллектуальной деятельности.

В выше указанных документах также имеется определение понятия «технологии искусственного интеллекта», однако отсутствует дефиниция «системы искусственного интеллекта». Как верно подчеркивает А.В. Минбалеев, действующая дефиниция «технологии искусственного интеллекта» страдает логической несостоятельностью, принимая форму тавтологии, где определяемое понятие раскрывается через само себя[64]. В работах А.В. Остроуха встречается дефиниция систем искусственного интеллекта как компьютерных моделей, реплицирующих отдельные аспекты реализации «интеллектуальных возможностей человека в целенаправленном поиске, анализе и синтезе текущей информации об окружающей действительности для получения о ней новых знаний и решения на этой основе различных жизненно важных задач»[65].

В ГОСТ Р 71476-2024 под системой искусственного интеллекта понимается техническая система, использующая одну или несколько моделей искусственного интеллекта, которая порождает такие конечные результаты, как контент, прогнозы, рекомендации или решения для заданного набора определенных человеком целей[66].

В ст. 1.1 проекта Регламента Европейского Парламента и Совета «Об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта» закреплена легальная дефиниция, в соответствии с которой искусственный интеллект определяется как динамично эволюционирующая совокупность

---

[64] Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта : монография / Минбалеев А.В., Полякова Т.А., Добробаба М.Б. и др.; под ред. Минбалеева А.В.; Министерство науки и высшего образования, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - Саратов : Амирит, 2023. С. 124.

[65] Остроух А.В. Введение в искусственный интеллект. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. С. 9.

[66] ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта" (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 28.10.2024 № 1550-ст). С. 2.

технологий, обладающая потенциалом для генерации значительных экономических и социальных преимуществ в различных отраслях и сферах публичной деятельности.

В проекте Регламента ЕС под «системой искусственного интеллекта» подразумевается информационная система, обладающая следующими квалифицирующими признаками: способность к обработке данных антропогенного и машинного происхождения; осуществление логического вывода о методах достижения поставленных целей посредством процедур машинного обучения, логического вывода и моделирования; автономная генерация результатов в формате контента, прогнозов, рекомендаций и решений; оказание непосредственного воздействия на целевую среду в процессе взаимодействия с такой системой[67].

С. Рассел указывал, что исторически исследователи рассматривали несколько подходов к определению термина «искусственный интеллект». В частности, он писал: «Некоторые определяют искусственный интеллект на основе соответствия функциональных возможностей компьютеров человеческим способностям, в то время как другие предпочитают абстрактное, формальное определение интеллекта, называемое рациональностью - то есть, способностью делать «правильные вещи». Сам предмет также различается: некоторые считают интеллект свойством внутренних мыслительных процессов и рассуждений, в то время как другие фокусируются на разумном поведении, то есть внешней характеристике»[68]. Данное определение трактуется в узком смысле применительно к компьютерным наукам и не отражает связь искусственного интеллекта с исследованиями в области других наук, включая направления исследований в части

[67] Proposal for a regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206 (дата обращения: 01.08.2025).

[68] См.: Рассел С. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг. - 4-е. изд. Хобокен: Пирсон, 2021. С. 31.

права. Действительно, в ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) указано, что «искусственный интеллект - это междисциплинарная область, широко опирающаяся на информатику, науку о данных, естественные и гуманитарные науки, математику, общественные и другие науки»[69].

П.М. Мохат в своей диссертации предлагает такое определение: «искусственный интеллект - автономный комплекс программных или программно-аппаратных средств (юнит) с человеко-компьютерным интерфейсом, представляющий собой виртуальную вычислительную систему или оснащённую средствами «технического» зрения (восприятия воздействий (сигналов) на сенсорные электронные аналоги органов чувств) и средствами непосредственного самостоятельного взаимодействия с физической реальностью (актуаторами) и с цифровой реальностью киберфизическую систему, с программно-технически и математически эмулированными и обеспеченными способностями (возможностями) биоподобных когнитивных и антропоморфно-интеллектуальных рече-мыслительных действий (функций), обучения и самообучения, самоорганизации и самотестирования, творческой (эвристической) деятельности, в том числе на основе накопленных и «исторических» данных и данных мониторинга»[70]. Предложенная П.М. Мохатом дефиниция представляет собой попытку инкорпорировать в нормативную конструкцию наиболее релевантные с его точки зрения атрибуты, характеризующие технологический базис и когнитивный функционал системы. Анализ данной формулировки показывает, что в целом она корректно ссылается на основные свойства как вычислительных систем, так и человека, однако требует существенного уточнения. В части технических аспектов «комплекс программно-аппаратных средств» не может

---

[69] ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://docs.cntd.ru/document/1310068314 (дата обращения: 01.08.2025).

[70] См.: Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2018. С. 41.

представлять собой «виртуальную вычислительную систему». В части когнитивных аспектов - указанная формулировка не учитывает наиболее важное свойство человека - самосознание, определяющее возможность оценки системой искусственного интеллекта получаемых результатов с точки зрения соответствия этическим и правовым нормам как процесса получения результатов, так и содержания самих полученных результатов.

Понятие «искусственный интеллект» требует интеграции следующих системообразующих признаков данного объекта: он представляет собой комплекс программно-аппаратных средств, обладающих способностью к автономной обработке данных, принятию решений и совершению действий на основе алгоритмов машинного обучения, симуляции когнитивных процессов и иных методов вычислений, направленных на решение конкретных задач с целью оптимизации и повышения эффективности в различных сферах общественной жизни.

Понятие «искусственный интеллект» должно интегрировать следующие системообразующие элементы:

- программно-аппаратный комплекс, составляющий технологический базис для функционирования эвристических и нейросетевых систем искусственного интеллекта;

- функциональная компетенция, выражающаяся в способности систем к автономной выработке решений и совершению действий на основе трансформации информационных массивов;

- методология реализации, включающая алгоритмы машинного обучения, моделирование когнитивных процессов, а также иные способы компьютерной обработки информации;

- целевая детерминанта, направленная на оптимизацию социальных и экономических процессов, а также повышение эффективности деятельности в различных отраслях публичной и частной сфер.

Использование комплексной дефиниции «искусственного интеллекта» обусловливает учет гетерогенности его технологических модификаций и областей использования. Подобная дефинитивная стратегия гарантирует функциональную адаптивность правового регулирования к перманентной трансформации технологий и закладывает основы для доктринально последовательного правоприменения в данной сфере.

Наиболее корректным определением является определение автора: «искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного эвристического алгоритма решения целевой задачи и достижения целей функционирования, самосознание и оценку норм поведения) и получать при выполнении задач восприятия и смысловой обработки информации результаты, сопоставимые с результатами когнитивной деятельности человека или превосходящие их, а также оценку получаемых результатов с точки зрения этических и правовых норм».

1.3. Юридические и технические аспекты применения искусственного интеллекта при толковании права судебными органами

Э. Хант писал: «Любые обсуждения искусственного интеллекта должны проходить на очень техническом уровне, иначе они окажутся «в тисках» вопроса о том, как изучение думающих машин должно или может влиять на наши философские и психологические представления»[71]. Ученые-правоведы по всему миру все больше обращают внимание на перспективы использования

[71] Хант Э. Искусственный интеллект. / под ред. В.Л. Стефанюка; пер. с англ. Д.А. Белова, Ю.И. Крюкова. М.: Мир, 1978. С. 125.

искусственного интеллекта в сфере юриспруденции, в частности, в судебной деятельности[72].

Имплементация систем искусственного интеллекта в правовое поле детерминирует потребность в комплексном герменевтическом анализе, охватывающем следующие уровни регламентации: нормативно-правовой, технико-нормативный, этический и аспекты саморегулирования когнитивных систем. При этом в вопросах определения функциональных параметров искусственного интеллекта приоритетная роль должна отводиться техническому нормативному регулированию. Указанная позиция находит обоснование в том, что специфика процессов, обеспечивающих функционирование систем искусственного интеллекта, составляет предметную сферу технического нормативного регулирования. Согласно аргументации П.М. Мохата, именно этому регулятивному уровню должна принадлежать первостепенная роль в минимизации рисков причинения потенциального вреда, генерируемого деятельностью указанных систем.[73].

Известны два направления имплементации технологий искусственного интеллекта в правосудие: автоматизация вспомогательных процессуальных и организационных действий на основе специализированных систем искусственного интеллекта («слабый» искусственный интеллект) и применение универсального «сильного» интеллекта для автоматизации принятия решений при осуществлении правосудия[74].

---

[72] См.: Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. М.: Инфра-М, 2019. С. 142.

[73] См.: Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. С. 256.

[74] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А., Жаворонкова О.Г. Технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта // Информатизация и связь. 2023, № 5, С. 37.

Основоположником концепции «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта является американский философ J.R. Searle (Д. Сёрл)[75]. В соответствии с представлениями американского ученого «слабый» искусственный интеллект предназначен для решения небольшого множества задач, которые не подразумевают наличия у компьютера подлинного сознания и который предназначен предоставлять помощь человеку в его в интеллектуальной деятельности. «Сильный» искусственный интеллект в соответствии с теорией - это «машинный аналог человеческого разума»[76], однако устоявшееся единство мнений по конкретным критериям которым должна соответствовать такая технология в научном сообществе отсутствует ввиду стремительного развития научного прогресса. В целом на сегодняшний день в научном сообществе принято предполагать, что «сильный» искусственный интеллект характеризуется возможностью осознанно выполнять задачи, используя такие качества, которые присущие только человеческому интеллекту, например, абстрактное мышление, самосознание и рефлексия. Философско-методологическое осмысление юридических категорий применительно к системам «сильного» искусственного интеллекта может быть реализовано через системно-онтологическое моделирование мета-модели предметной области юриспруденции, то есть посредством построения онтологии права[77].

В рамках Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года была осуществлена попытка легальной дефиниции и нормативной дифференциации понятий «сильный» и «слабый» искусственный интеллект. «Слабым» искусственным интеллектом предлагается считать технологию способную решать только узкоспециализированные задачи, в то время

---

[75] Searle J.R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. - Vol. 3. P. 417 - 424.
[76] Nilsson Nils J. The Quest for Artificial Intelligence: A History of Ideas and Achievements. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 578.
[77] См.: Гаджиев Г.А. Онтология права : (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. М.: НОРМА: ИНФРА, 2013. С. 123.

как «сильный» (универсальный) искусственный интеллект - это технология, способная выполнять «различные задачи, взаимодействовать с человеком и самостоятельно (без участия человека) адаптироваться к изменяющимся условиям»[78].

Имплементация функционально ограниченных систем искусственного интеллекта («слабый» искусственный интеллект), ориентированных на автоматизацию отдельных рутинных операций по обработке информации, представляется научному сообществу наименее дискуссионной. Данный тезис находит свое подтверждение в уже состоявшейся интеграции в судебную практику элементов цифровой трансформации, таких как система электронного правосудия «Правосудие», а также специализированные информационные ресурсы «Мой арбитр», «Банк решений арбитражных судов» и «Картотека арбитражных дел». Термин «слабый искусственный интеллект» применяется для обозначения систем, обладающих узконаправленной функциональностью, ограниченной решением конкретной предустановленной (императивно заданной) задачи[79]. В США используется модель, основанная на технологии искусственного интеллекта - Caselaw Access, позволяющая предсказать исход судебного разбирательства основываясь на схожих прецедентах, решениях судей. Также эта система позволяет судьям быстро находить релевантные дела, аналогичные рассматриваемому делу, и учитывать их при вынесении решения[80].

Приоритетные направления имплементации технологий искусственного интеллекта в сфере судебной интерпретации права ориентированы на оптимизацию следующих процессуальных операций:

---

[78] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации ... Ст. 5700.

[79] См.: Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2018. С. 64.

[80] Caselaw Access Project // Harvard Law School. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://lil.law.harvard.edu/projects/caselaw- access-project (дата обращения: 01.08.2025).

- автоматизация процессов анализа правовых актов - применение когнитивных технологий для автоматизированного анализа нормативно-правовых массивов с целью идентификации и аутентичной интерпретации нормативных предписаний;

- внедрение интеллектуальных ассистирующих комплексов - разработка экспертных систем, обеспечивающих генерацию правовых заключений на основе герменевтического анализа законодательства и прецедентной практики;

- интеграция когнитивных платформ поддержки принятия решений - внедрение интеллектуальных систем судебного сопровождения, функционирующих на алгоритмах машинного обучения, верифицированных правовых массивов и обработки юридически значимых данных.

В современной юридической доктрине превалирует мнение о том, что имплементация технологий «слабого» искусственного интеллекта позволит автоматизировать решение узкоспециализированных задач судопроизводства: ведение и обработку данных в рамках делопроизводства, трансформацию текстов в цифровые форматы, верификацию соответствия процессуальных документов требованиям законодательства, документальную фиксацию судебных заседаний, генерацию исполнительных документов, а также идентификацию личности и представительских полномочий участников процесса.

Интеграция «слабого» искусственного интеллекта в административные процедуры судопроизводства способствует повышению операционной эффективности работы судебной системы через автоматизацию рутинных вспомогательных операций. Указанная тенденция соответствует принципам оптимизации обеспечивающих процессов судебной деятельности и минимизации антропогенных ошибок.

Современные справочные правовые системы (КонсультантПлюс, Гарант, Кодекс и аналогичные) функционируют на основе относительно простых алгоритмов контекстного поиска. Качественное преобразование обработки данных в таких системах достигается за счет автоматизации процессов контекстного

поиска, анализа и синтеза правовой информации. Технологии «слабого» искусственного интеллекта преимущественно ориентированы на экстракцию фактологических данных, их систематизацию и организацию эффективного поиска в фактографических массивах информации.

Однако, проблема имплементации универсального искусственного интеллекта в непосредственное отправление правосудия сохраняет дискуссионный характер ввиду нерешенности вопросов, связанных с содержательными аспектами реализации судейских полномочий и процессуальными гарантиями при осуществлении правоприменительных функций. На текущем этапе формирования доктрины применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права консолидированная позиция исследователей отсутствует, что обусловлено необходимостью разрешения ряда не проработанных на методическом уровне вопросов, в том числе обладающих сложным межотраслевым характером.

Перспективы интеграции универсального («сильного») искусственного интеллекта в правоприменительную практику обусловлены системными доктринальными противоречиями, выражающимися в следующих аспектах:

- отсутствием законодательно закрепленных дефиниций базовых понятий «искусственный интеллект», «электронное лицо» и сопутствующих категорий;

- неразрешенностью проблемы квазисубъектности искусственного интеллекта в рамках классической дихотомии «объект-субъект» правоотношений.

Указанная проблематика инициирует научную дискуссию о необходимости трансформации традиционной антропоцентрической парадигмы права. Проблема неопределенности правового статуса систем искусственного интеллекта сохраняет свою актуальность. Дискуссия о возможности признания систем искусственного интеллекта субъектами права остается открытой. Классическая правовая доктрина исходит из презумпции, что исключительно физические и юридические лица наделяются правосубъектностью. Однако в контексте качественной трансформации возможностей систем искусственного интеллекта в области

автономной семантической обработки информации и генерации проектов правовых решений появляются теоретические конструкции, обосновывающие возможность признания за системами искусственного интеллекта особого вида правового субъекта. Как отмечает П.М. Морхат, определение объёма правосубъектности, обозначаемого понятием «электронное лицо» применительно к системам искусственного интеллекта, в настоящий момент является дискуссионным и требует дальнейшей теоретической разработки в рамках юридической науки[81].

Нельзя не отметить позицию Л.Ю. Василевской, аргументирующей вывод об ошибочности признания правосубъектности искусственного интеллекта[82]. Как отмечает Л.Ю. Василевская: «значительным количеством исследователей ошибочно и безосновательно выделяется новый «субъект» права, не являющийся физическим, юридическим лицом или публично-правовым образованием, - «цифровой субъект» как некая «сущность», «обитающая» исключительно в digital-среде. Ряд авторов приравнивает к данной «цифровой сущности» искусственный интеллект»[83].

Как полагает Д.А. Пашенцев, операциональное назначение систем искусственного интеллекта в судопроизводстве должно сводиться к обеспечению релевантных процессуальных условий для вынесения легитимного судебного решения, сохраняя монополию судьи на осуществление правовой интерпретации[84].

---

[81] См.: Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. дис. ... докт. юрид. наук. М. 2018. С. 293.

[82] См.: Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 32.

[83] См.: Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография в 5 т. / отв. ред. Л.Ю. Василевская. Т. 3. М. : Проспект, 2021. С. 4.

[84] См.: Пашенцев Д.А. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. № 7. 2020. С. 201.

Инструментальное использование технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве следует рассматривать как ассистирующую функцию, направленную на повышение эффективности осуществления правосудия при безусловном сохранении антропоцентрической природы принятия судебных актов. Процессуальная дискретность судьи проявляется в возможности отклонения результатов работы искусственного интеллекта без необходимости фиксации особого мнения, поскольку системы искусственного интеллекта лишены статуса субъекта интерпретационной деятельности. Принцип транспарентности может обеспечиваться через публикацию подготовленных искусственным интеллектом проектов решений в ходе открытого судебного разбирательства.

Кроме того, следует рассматривать вопросы наличия сознания системы искусственного интеллекта ввиду необходимости оценки способности системы искусственного интеллекта осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими. Наличие таких способностей у человека именуется вменяемостью и дееспособностью, которые является обязательными признаками оценки субъекта преступления.

Квалификация наличия прямого или косвенного умысла, равно как и вопрос вменяемости и дееспособности систем искусственного интеллекта, детерминируется не только фактом наличия и степенью развития искусственного сознания, но и нормами когнитивного поведения, инкорпорированными разработчиками в процессе обучения данной системы.

Современная доктрина правового регулирования имплементации юридической ответственности за действия систем искусственного интеллекта исходит из следующих методологических предпосылок:

- искусственный интеллект не обладает признаками самостоятельного субъекта права;

- субсидиарная ответственность за действия когнитивных систем сохраняется за физическими лицами, осуществлявшими разработку алгоритмического базиса, юридическими лицами, использующими такие системы для обработки данных;

- распределение ответственности определяется степенью влияния на функционирование системы.

Данный подход соответствует международной практике регулирования и находит отражение в проектах нормативных актов Европейского союза и национальных законодательствах передовых юрисдикций[85].

Профессор В.В. Блажеев актуализирует необходимость разработки системного нормативно-правового режима регулирования искусственного интеллекта, подчеркивая, что активное внедрение когнитивных технологий детерминирует перед юридическим сообществом комплекс задач по формированию регуляторной системы, интегрирующей как действующие положения национального законодательства, опосредующие применение инновационных технологий, так и релевантные положения международного правового опыта в данной сфере[86].

Системы искусственного интеллекта представляют собой архитектурно сложные комплексы, являющиеся продуктом человеческого интеллекта и характеризующиеся применением совокупности научно-методических подходов и инженерно-технических решений[87].

Нормативно-правовая регламентация применения искусственного интеллекта в судебной интерпретации права определяется функциональным потенциалом и системными ограничениями когнитивных систем, включая: способность к семантической интерпретации правовой информации, наличие рефлексивных механизмов анализа собственных когнитивных состояний, функционал автономного пополнения знаний (самообучение), способность к нормативной саморегуляции поведенческих моделей. Данные параметры

---

[85] См.: European Parliament. (2018). General Data Protection Regulation (GDPR). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://gdpr-info.eu/ (дата обращения: 01.08.2025).

[86] См.: Блажеев В.В. Предисловие // Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии» : монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 5.

[87] См.: Artificial Intelligence and Civil Liability. European Parliament. Requested by the JURI committee. July 2020. P. 9.

формируют методологический базис для определения правового режима использования искусственных интеллектуальных систем в юрисдикционной деятельности.

Современный тренд роста внимания к применению систем искусственного интеллекта в судебном толковании правовых норм коррелирует с общественной необходимостью повышения эффективности работы судебной системы путем автоматизации рутинных процессуальных действий[88]. В настоящее время системы искусственного интеллекта становятся интеллектуальным инструментом анализа и синтеза данных для различных прикладных областей применения, включая юриспруденцию, информационные технологии, финансы и многие другие[89].

На сегодняшний день существует два вида систем искусственного интеллекта: эвристические и нейроматематические (нейронные).

Функционирование эвристических систем искусственного интеллекта детерминировано алгоритмическими моделями, инкорпорированными в процессе их разработки, что создает правовые предпосылки для гарантирования корректности их операционной деятельности при выполнении следующих условий: осуществления верификации базовых алгоритмов функционирования, проведения сертификации программного обеспечения в установленном порядке. Данный подход позволяет установить соответствие процедур функционирования систем искусственного интеллекта нормативным требованиям и создать механизм контроля за их операционной деятельностью. Такие системы представляют знания в виде логических условий вида «если (условие), то (действие)», которые по структуре правил обработки информации наиболее полно соответствуют структуре триады юридических норм (гипотеза - диспозиция - санкция). Таким образом, логические конструкции, лежащие в основе формирования проектов решений

---

[88] См.: Ершова И.В., Петраков А.Ю., Цимерман Ю.С. Доктрина инновационного права на службе цифрового права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020; (11):191-201. С. 200.

[89] См.: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. С. 8.

эвристическими системами искусственного интеллекта при осуществлении интерпретации правовых норм, поддаются репрезентации в транспарентной и верифицируемой форме. Следовательно, архитектура эвристических систем включает эксплицитно формализованные правила интерпретации данных, а также детерминированные правила логического вывода на основе нормативно-правовых предписаний.

Функционирование нейроматематических систем искусственного интеллекта основано на использовании обученных моделей искусственного интеллекта, алгоритм функционирования которых сформирован автоматически самой системой в процессе самообучения. Результат процесса обучения нейроматематических систем искусственного интеллекта представляет собой обученную модель, содержащую интерпретацию загруженных в нее данных в виде структуры связей нейронов. По сути, процесс обучения является уяснением системой введенных в нее данных, которые затем используются для решения поставленных задач. Следовательно нейроматематические системы искусственного интеллекта не обеспечивают необходимый уровень транспарентности в процессе принятия решений, в особенности в аспекте применяемых ими герменевтических процедур интерпретации и трансформации правовой информации. Отсутствие прозрачности процедур обусловливает наличие когнитивного барьера для их интеграции в правоприменительную деятельность, поскольку противоречит фундаментальным требованиям правовой определенности и обоснованности судебных актов. В актуальной исследовательской парадигме отсутствуют релевантные методологии интерпретации алгоритмов функционирования обученных моделей искусственных нейронных сетей, что формирует эпистемологический барьер для верификации их выводов. По этой же причине невозможно проверить корректность сознания и самосознания системы «сильного» искусственного интеллекта. Данная проблема должна быть решена на основе создания технологий объяснимого искусственного интеллекта. Для автоматизации подготовки проектов решений в процессе

судебного разбирательства, системы «сильного» или «слабого» искусственного интеллекта должны обеспечивать проверку корректности толкования данных с точки зрения правовых и морально-этических норм. Однако для реализации данных функций разработчики искусственного интеллекта обязаны заложить соответствующие системные правила поведения. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в качестве принципиальной основы закреплена концепция поэтапной имплементации «доверенных технологий искусственного интеллекта» - технологических решений, соответствующих установленным стандартам безопасности и разработанных с учетом требований объективности, недискриминационного характера функционирования и этической корректности. Такие системы должны исключать потенциальную возможность причинения вреда личности, нарушения фундаментальных прав и свобод, а также нанесения ущерба публичным интересам общества и государственной безопасности[90].

Концептуальной основой совершенствования применяемых в юриспруденции технологий искусственного интеллекта является обучение моделей на репрезентативных подборках судебных решений и нормативных актов, содержащих морально-этические дилеммы, обеспечивающая синтез догматического и телеологического методов правовой интерпретации. Актуальные тенденции цифровизации юридической сферы требуют решения научных вопросов, связанных с ограничениями автоматизации правового толкования и анализа информации в судопроизводстве. При этом важна разработка как международных, так и национальных нормативных рамок, которые позволят сбалансировать возможности искусственного интеллекта с гарантией защиты

[90] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации … Ст. 5700.

основных прав человека, включая открытость алгоритмов и недопущение дискриминации в решениях, принимаемых искусственным интеллектом[91].

Отсутствие дееспособности и правового статуса у систем искусственного интеллекта, а также их функциональная неспособность к интеграции морально-этических параметров в судебные процессы, объективно подтверждают невозможность полного исключения человеческого участия в правоприменительной деятельности, где толкование правовых норм и оценка фактических обстоятельств сохраняются как эксклюзивная прерогатива судейского корпуса. Такой подход полностью соответствует позиции В.А. Рубанова, научного руководителя Центра интеллектуальных информационных технологий, считавшего, что искусственный интеллект является именно техническим средством для улучшения жизни человечества[92].

Перспективы имплементации искусственного интеллекта в процессы судебной интерпретации права детерминируют необходимость формирования системного нормативного регулирования, охватывающего следующие аспекты: легальную фиксацию деликтных обязательств разработчиков и операторов искусственного интеллекта, создание механизмов обеспечения конфиденциальности и безопасности обработки персональных данных, протоколы этического аудита и методологии алгоритмической верификации.

Выводы по главе:

В результате проведенного исследования понятия, сущности и содержания судебного толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта можно сформулировать следующие выводы:

---

[91] См.: Огарок М.А. Искусственный интеллект в судебном толковании права. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 69.

[92] Рубанов В.А. Вижу смысл. Т. 1. Метафизика смыслов. М., 2022. 366 с.

1. Содержание судебного толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта заключается в применении специальной обученной системы искусственного интеллекта для автоматического уяснения и разъяснения правовых предписаний, осуществляемых под строгим контролем судьи.

2. Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность отражает потребности граждан в организации и использовании судом их потенциала для разрешения противоречий между динамикой общественных отношений и формальным характером правовых предписаний, но технологии являются инструментом и не должны приводить к замене судьи-человека на обученного робота.

3. Искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, способных к симуляции когнитивных функций человеческого интеллекта, включая: способность к автономному обучению (самообучению), недетерминированные методы поиска решений, формирование поведенческих стратегий, рефлексивные механизмы самосознания, нормативную оценку поведенческих моделей. Данные системы демонстрируют при решении задач когнитивной обработки информации результаты, сопоставимые или превышающие человеческие когнитивные способности, с одновременной имплементацией механизмов нормативно-ценностной верификации получаемых результатов.

4. Успешное внедрение технологий и систем искусственного интеллекта в правоинтерпретационную деятельность суда требует соответствующей регламентации на законодательном уровне, а также тщательной проработки вопросов ответственности, прозрачности и устранения возможных предвзятостей. Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную практику призвано помогать судьям, но только соблюдая принципы справедливости, объективности и законности, искусственный интеллект сможет внести значительный вклад в улучшение качества правосудия.

Глава 2. ПРЕДЕЛЫ, СПОСОБ И ВИДЫ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

2.1. Технологический способ и виды судебного толкования права с применением технологий искусственного интеллекта

При уяснении смысла правовой нормы необходимо исследовать не только ее содержание, но и ее юридические связи с другими правовыми предписаниями поскольку законодательство характеризуется своей системностью, а также проследить связи этого объекта толкования с общественными явлениями для более точного уяснения и последующего разъяснения смысла положения закона. Уяснение смысла юридической нормы осуществляется при помощи специальных способов, которые представляют собой совокупность средств, позволяющих установить содержание нормы и выраженной в ней воли законодателя.

В отечественной правовой доктрине большинством ученых-правоведов выделяются и признаются следующие способы толкования закона, сформулированные ранее еще Ф.К. Савиньи[93]: грамматический, логический, исторический и систематический.

Грамматический способ интерпретации (филологический, текстовый) берет за основу анализ текста закона, используемых словесных формулировок нормы, лексическую связь между словами.

Метод систематического толкования, имплементированный в российское законодательство (ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»[94] и ст. 215 КАС РФ[95]),

---

[93] См.: Савиньи Ф.К. Система современного римского права: В 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. С. 312.
[94] См.: О Конституционном Суде Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021). М.: Омега-Л, 2021. С. 75.
[95] См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации … С. 114.

предполагает уяснение смысла правовой нормы через анализ ее системных связей с другими элементами правового массива, что позволяет установить пределы действия и субъектный состав регулируемых отношений.

Историческое толкование заключается в исследовании экономических условий и политико-социальных обстоятельств, которые явились причиной издания интерпретируемой нормы права и без учета которых невозможно выяснить те цели и задачи, которые законодатель наметил при регулировании общественных отношений.

Логическое толкование основано на выявлении логической связи формулировки права, в которой находятся отдельные ее части.

Тем не менее, на современном этапе развития права, ученые не раз пытались дополнить или изменить данную классификацию способов толкования норм права.

Телеологический (целевой) способ толкования способствует единообразному пониманию нормы через выявление целей ее издания. Данному способу придается особое внимание при существенном изменении общественных и политических обстоятельств, например, при экономических и политических реформах в государстве. Например, А.Ф. Черданцев предложил уточнить логический и добавить функциональный способы интерпретации норм права. Исходя из позиции ученого, логический способ толкования нормы заключается в исследовании логической связи между отдельными положениями правовой нормы при помощи правил логики и таких приемов, как логическое преобразование, выводы по аналогии, выводы от противного, так как суть предписания и, вероятно, воля законодателя может не совпадать с формой ее выражения в тексте закона и поэтому необходимо проанализировать не отдельные слова, а обозначаемые ими явления и соотношения между ними.

Функциональный способ, в свою очередь, сводится к уяснению и разъяснению предписаний с учетом изучения обстоятельств и условий, в которых данная норма реализуется на практике[96].

Также С.С. Алексеев на основании правил юридической техники обозначил специально-юридическое толкование в качестве самостоятельного способа интерпретации норм права. Иначе говоря, специфика данного способа толкования заключается в том, что интерпретатор на основании своих специальных юридических знаний устанавливает содержание правовой нормы при помощи анализа применяющихся юридических терминов, понятий, конструкций[97].

Таким образом, для действительного установления сути и назначения правовой нормы и воли законодателя могут использоваться различные способы исследования ее положений чтобы выяснить не только значение юридического текста и используемых формулировок, но и постараться определить цели и мотивы законодателя для наиболее правильного уяснения толкуемого закона.

Все выше рассмотренные способы толкования права направлены на обеспечение возможности установления содержания нормы и выраженной в ней воли законодателя на основе использования междисциплинарных методов научного познания:

- для грамматического способа – лингвистики;

- для логического способа – формальной, диалектической, математической и неформальной логики;

- для исторического способа – историко-проблемный метод и другие методы, применимые к исследованию исторических данных;

- для систематического способа – методы системного анализа, формально-юридического анализа, сравнительно-правовой метод, а также метод правового моделирования.

---

[96] См.: Вопросы толкования советского права. Учебное пособие / Черданцев А.Ф. ... С. 71.
[97] См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. - Т. 2. М.: Прогресс, 1982. С. 127.

В контексте развития технологий искусственного интеллекта задача исследования способов уяснения и разъяснения законодательства представляется наиболее актуальной. С учетом развития и возможного применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности, в частности в процессе толкования законодательства, по мнению автора, представляется оправданным выделение нового способа интерпретации права - технологического.

Уяснение смысла юридической нормы с использованием технологий искусственного интеллекта осуществляется при помощи методов анализа информации, обрабатываемой искусственными когнитивными системами. Представление «знаний» в них базируется на двух концептуальных парадигмах: информация и правила логического вывода эвристических систем, а также обученные модели нейроматематических систем искусственного интеллекта.

Суть технологического способа судебного толкования права с применением технологий искусственного интеллекта состоит в использовании методов анализа процессов обработки информации для структуризации содержания норм права и пояснения выраженной в ней воли законодателя при помощи цифровых технологий искусственного интеллекта.

В условиях современной цифровой трансформации, когда обработка правовой информации осуществляется не только субъектами права, но и когнитивными технологиями, следует констатировать способность систем искусственного интеллекта к автоматизированной генерации проектов правовых интерпретаций с учетом различных герменевтических подходов - буквального (аутентического), расширительного (экстенсивного) и ограничительного (рестриктивного) толкования. Вместе с тем, эффективность и функциональные характеристики систем искусственного интеллекта в процессе формирования интерпретационных моделей правовых предписаний находятся в прямой корреляционной зависимости от качественных и количественных параметров обучающих наборов данных, интегрированных в алгоритмическую архитектуру системы в виде обученных моделей. Репрезентативность, полнота и

верифицируемость обучающих наборов данных определяют потенциал систем искусственного интеллекта, включая способность к адекватной семантической интерпретации нормативного материала и генерации логически непротиворечивых правовых позиций. Данная методологическая особенность обусловливает необходимость разработки специализированных стандартов формирования обучающих выборок для систем искусственного интеллекта, применяемых в правоприменительной деятельности, с целью обеспечения соответствия генерируемых интерпретационных моделей требованиям юридической техники и принципам правовой определенности.

Как уже было описано ранее, эвристические когнитивные системы по структуре правил обработки информации наиболее полно соответствуют структурной триаде юридических норм (гипотеза - диспозиция - санкция). Это обеспечивает верификационную прозрачность алгоритмов их функционирования[98]. Можно отметить, что толкование права, осуществленное при помощи эвристической системы искусственного интеллекта, в целом соответствует буквальному виду интерпретации права основанном на грамматическом анализе текста исследуемой правовой нормы. Это обусловлено тем, что грамматические правила на уровне семантики текста соответствуют логическим условиям вида «если - то». В свою очередь данные логические условия могут быть сопоставлены с триадами правовых норм (гипотеза - диспозиция - санкция). Анализ последовательности применения правил логического вывода позволяет установить и пояснить человеку логику принятия решений эвристической когнитивной системой.

Функционирование нейросетевых архитектур искусственного интеллекта, основанных на нелинейных методах машинного обучения, порождает проблему «черного ящика», заключающуюся в отсутствии транспарентности результатов

[98] См.: Огарок М.А. Перспективы использования искусственного интеллекта при толковании законодательства. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 73.

толкования права. Несмотря на способность данных систем к генерации проектов толкований права, реконструкция логики принятия решений остается научной проблемой, ограничивающей их использование в областях, требующих нормативной предсказуемости и процессуальной легитимации.

Рассмотренные выше положения относятся не только к обработке символьной информации, но также и к обработке других видов представления информации: изображений, видеоинформации, звука и т.п.

Предложенный способ толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта (технологический способ толкования права) представляет собой формализованную герменевтическую процедуру, осуществляемую системами искусственного интеллекта через машинную генерацию интерпретационных моделей на основе синтеза нормативных, доктринальных и правоприменительных данных. Когнитивная архитектура системы обеспечивает автономное накопление экспертных знаний в процессе обучения на верифицированных правовых массивах, что позволяет осуществлять комплексный анализ законодательства с учетом его системных связей и правоприменительной практики[99].

В зависимости от данных, на которых была обучена нейроматематическая когнитивная система, и от формулировки запроса (задачи) субъектом (например, судей), толкование может быть дано при помощи как любого из существующих способов отдельно или их совокупности, так и при помощи качественно новых способов. Однако, еще раз подчеркнем, процесс толкования права нейроматематическими системами искусственного интеллекта пока не может быть описан в традиционно понятной человеку форме. Доступен только результат толкования права, без пояснения каким образом он был сформирован, то есть существующие информационные технологии не обеспечивают прозрачность

[99] См.: Огарок М.А. Перспективы использования искусственного интеллекта при толковании законодательства. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 78.

процедуры толкования права нейроматематическими системами искусственного интеллекта.

Применение предложенного технологического способа толкования права осуществляется субъектами толкования с использованием систем искусственного интеллекта для автоматизации процессов судебного толкования права. Способ определяет порядок, образ действий, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели[100]. Соответственно, технологический способ толкования права определяет порядок действий уполномоченного субъекта по формированию проектов толкований права системами искусственного интеллекта на основе применения обученных моделей. Процесс подготовки проектов толкований права системами искусственного интеллекта выполняется путем ввода судьями в систему искусственного интеллекта текста анализируемой нормы права и описания запроса на ее толкование. Данный процесс выполняется для каждого запроса судей на толкование нормы права.

Знания о правовых нормах в обученных моделях искусственного интеллекта содержатся в структуре их нейронных связей (их «память», зафиксированная в обученных моделях), возникающей при обучении на проверенных данных (законодательство, правовые акты, судебные решения, правовая доктрина и т.п.). Эта структура определяет алгоритмы работы и логику формирования проектов толкования права. Полнота и точность результатов толкования права компьютерными системами определяется соответствующими характеристиками обученных моделей обработки неструктурированной текстовой информации нейроматематических систем или правилами лингвистического анализа эвристических систем.

Технологический способ толкования права позволяет повысить качество судебного толкования права на основе применения технологий искусственного интеллекта. Повышение эффективности толкования права при использовании

[100] См.: Толковый словарь русского языка: в 4т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940, Т. 4, С. 448.

этого способа обеспечивается за счет автоматизации процесса подготовки проектов толкований права системами искусственного интеллекта по запросам уполномоченных субъектов толкования права. Так, при применении искусственных когнитивных систем для уяснения и разъяснения норм права, данные процессы приобретают новые технологические особенности и возможности, направленные на повышение эффективности и точности правоприменения.

Толкование с использованием искусственного интеллекта основано на обучении моделей на множестве текстов законов, судебной практики, правоприменительной практики, комментариев и экспертных оценок. Современные системы искусственного интеллекта демонстрируют способность к идентификации латентных смысловых корреляций, контекстуальному анализу и предложению вариативных трактовок правовых норм, оперируя информационными объемами, не доступными для человеческого восприятия. Эти цифровые технологии потенциально могут быть помощником для юристов и судей, обеспечивая более объективное, комплексное и структурированное понимание норм права без субъективного искажения их содержания. Однако искусственный интеллект испытывает сложности в случаях, требующих неявного, ценностного толкования, где важны человеческий опыт и культурный контекст. Такие технологии могут способствовать конкретизации норм права через углубленный анализ конкретных обстоятельств дел, сопоставление их с нормами и прецедентной практикой, выявление закономерностей и формулировку более точных и детализированных правовых позиций. Системы искусственного интеллекта могут обрабатывать и систематизировать судебные акты, выявлять тенденции и помочь создать единообразную практику применения права. Конкретизация правовых норм на основе применения искусственного интеллекта потенциально способна повысить скорость и точность детализации норм права, сокращая человеческий фактор и снижая вероятность субъективных ошибок. Тем не менее, окончательное решение о корректности толкования норм права должно оставаться за человеком.

Имплементация искусственного интеллекта в правоприменительную практику обусловливает необходимость непрерывной модернизации законодательства, направленной на гармонизацию правовых предписаний с эволюцией общественных отношений в условиях технологической революции. Искусственный интеллект анализирует большой объем данных, выявляет устаревшие или конфликтующие нормы права, моделирует последствия предлагаемых изменений, что ускоряет процесс принятия решений об обновлении законодательства. Искусственный интеллект также может выявлять пробелы в регулировании и генерировать предложения для новых норм, помогая сделать право более современным и соответствующим реальным потребностям общества.

Как было отмечено выше, обработка информации, а равно и толкование права, может осуществляться как человеком, так и системой искусственного интеллекта. Однако, на нынешнем этапе развития этой технологии ввиду отсутствия в настоящее время правосубъектности у искусственной (кибернетической) системы на официальном уровне, результат ее толкования может быть использован только в качестве юридической фикции и может быть легитимным только после проверки полномочным субъектом. В случае признания правосубъектности возможного «сильного» искусственного интеллекта, по выражению П.М. Морхата - «электронного лица», можно выделить новые виды толкования правовых положений: толкование, данное биологическим субъектом (человеком) и толкование кибернетической когнитивной системой («электронным лицом»). Однако, отсутствие правосубъектности искусственного интеллекта обусловливает возможность применения искусственного интеллекта только для формирования проектов толкования права и для автоматизации деятельности судей.

2.2. Пределы судебного толкования прав с использованием технологий искусственного интеллекта

Рассуждая о том, что из себя представляет «предел» в филосовско-методологическом смысле, А.В. Титовская определяет эту категорию как зарождение фундамента в определении границ и ограничений, а применительно к юридической сфере можно предположить, что любой закон наделен внутренним пределом, характеризующим его содержание, и внешним, выражающимся в установлении границ действия правового акта[101].

Поскольку в процессе толкования необходимо учитывать не только волю законодателя, но и субъективные факторы самого интерпретатора, сложно не согласиться с замечанием Е.С. Зайцевой, что «влияние субъективного фактора усиливается в процессе интерпретационной деятельности, где субъекты, ее осуществляющие, также сталкиваются с проблемой пределов правового регулирования, но уже в ином ракурсе. Перед интерпретатором стоит задача правильно определить установленные законодателем пределы, не расширяя и не сужая их»[102]. В рамках действующего законодательства данный подход представляется единственно верным, ибо таким образом подчеркивается значимость источников права, а также отмечается, что органы, наделенные правомочием толкования законодательства, могут осуществлять свою интерпретационную функцию только в пределах имеющихся нормативных положений.

---

[101] См.: Титовская А.В. Категория «предел» как философско-юридическое понятие // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 2. С. 92.

[102] Зайцева Е.С. Противоречия при установлении пределов правового регулирования в правотворческой деятельности и интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Юридическая техника. - Нижний Новгород, 2017. № 11. С. 427.

Говоря о толковании Конституции РФ, Н.Е. Таева называет этот процесс актуализацией конституционных норм[103]. Полагаем, что в контексте исследуемой темы возможно по аналогии говорить об актуализации правовых положений судом в установленных пределах[104]. Далее Н.Е. Таева приходит к заключению, что пределы толкования являются необходимым элементом конструкции толкования и должны быть закреплены в отечественном законодательстве. Возможно что-то подобное можно было бы реализовать по аналогии с упомянутыми процессуальными нормами о толковании судебных решений.

В США также имеются определенные правила для интерпретации правовых положений судом - правила толкования (canons of construction). Существует множество таких правил толкования, на которые может опираться судья, некоторые из них установлены законодательством, но большинство все же является результатами судебной практики. Так, судья Верховного Суда США, А. Скалиа, выделил 57 правил толкования[105]. Нужно отметить, что не все правила толкования применяются в суде сразу при разрешении спора, судья сам определяет к какому правилу или правилам толкования следует прибегнуть, поскольку законодательством не установлена обязанность как-либо обосновывать свой выбор.

Дискуссия по вопросу определения пределов толкования права непосредственно связана с определением правовой природы интерпретационных актов.

---

[103] См.: Таева Н.Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2005. С. 117.

[104] См.: Чумакова О.В., Огарок М.А. Управление судебным толкованием гражданско-правовых норм. // Концепция развития частного права: стратегия будущего. Сборник научных статей Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Редколлегия: В.В. Богдан (отв. ред.) и др. – Курск.: ЮЗГУ, 2023. С. 191.

[105] См.: Scalia, Antonin; Garner, Bryan A. (2012). Reading Law: The Interpretation of Legal Texts. [Электронный ресурс] Режим доступа - https://jm919846758.wordpress.com/wp-content/uploads/2020/09/rlilt.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

На сегодняшний день в отечественной правовой доктрине отсутствует единая позиция по этому вопросу. Одна группа ученых-правоведов придерживается мнения, что акты толкования могут выступать в качестве источников права (хотя и дополнительных) исходя из того, что суды вынуждены осуществлять творческую деятельность для преодоления правовых коллизий и пробелов в правовом регулировании[106]. Однако противники данной позиции небезосновательно заявляют, что интерпретационными актами не устанавливаются и, тем более, не изменяются правовые положения и, исходя из этого, нельзя заявлять об их правотворческой природе[107].

Интерпретационные акты не устанавливают новых правил поведения и не имеют самостоятельного значения, а существуют в системе правовых актов в тесной взаимосвязи с теми актами, в которых содержатся интерпретируемые положения, поскольку на законодательном уровне в Российской Федерации закреплена трехзвенная система государственной власти с четким разделением судебной и законодательной ветвей, к тому же бесспорно Россия относится к странам континентальной правовой семьи. Поэтому в случае интерпретации текста закона с целью преодоления правовых неясностей следует иметь ввиду, в лучшем случае, актуализацию его смысла применительно к новым вызовам бурно развивающихся на современном этапе общественно-экономических отношений. Так, можно справедливо говорить, что судебное толкование права представляет собой универсальную познавательную деятельность суда целью которой является обнаружение, уяснение и разъяснение смысла и правового содержания абстрактных законодательных предписаний применительно к определенным

---

[106] См.: Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. - 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКСМО, 2008. С. 214.

[107] См.: Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н.И. Матузов, А. В. Малько. - 5-е изд. М.: Дело РАНХиГС, 2017. С. 255.

общественным отношениям. Т.Н. Нешатаева также отмечает, что одной из задач толкования является «модернизация (актуализация)» нормы права[108].

Ярким антипримером такой «актуализации» является беспрецедентное для отечественной судебной практики решение Арбитражного суда Кировской области по делу от 3 марта 2022 года № А28-11930/2021[109]. Суть спора заключалась в том, что ответчик неправомерно использовал исключительные права истца на товарные знаки и на произведения изобразительного искусства - рисунки Свинка Пеппа, Папа Свин. Истец потребовал взыскать положенную по гражданскому законодательству компенсацию за нарушение исключительных прав руководствуясь положениями статей 1229, 1301, 1484, 1515 ГК РФ[110]. Однако, суд, учитывая складывающуюся международную обстановку, отметил недружественные ограничительные экономические и социальные санкции, наложенные Великобританией, государством где зарегистрирован и ведет свою деятельность истец, и пришел к выводу, что в контексте современных социально-экономических реалий действия истца носят недобросовестный характер и направлены исключительно на причинение вреда ответчику, и по сути являются злоупотреблением правом в соответствии со ст. 10 ГК РФ[111]. В итоге суд не нашел оснований для удовлетворения исковых требований иностранного юридического лица. При таком подходе вывод суда первой инстанции нарушает положение Конституции Российской Федерации, которое гарантирует на территории Российской Федерации равную охрану интеллектуальной собственности

---

[108] Нешатаева Т.Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113 - 125.

[109] См.: Решение Арбитражного суда Кировской области по делу от 03.03.2022 г. № А28-11930/2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://kvnews.ru/upload/file/A28-11930-2021_20220303_Reshenie.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

[110] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2022 г. М.: Эксмо, 2022. С. 123.

[111] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2022 г. М.: Эксмо, 2022. С. 125.

иностранных организаций, в том числе зарегистрированных на территории Великобритании, а само по себе предъявление иска не может быть признано недобросовестным действием, поскольку в рамках существующей рыночной экономики и действующего гражданского законодательства нет дискриминации организации на основании ее национальной принадлежности. Так Арбитражный суд Кировской области руководствовался существующими правовыми нормами, неверно уясняя и разъясняя их смысл в условиях складывающейся социально-экономической ситуации, прибегнул к нормотворчеству, вложив в существующую правовую норму тот смысл, который не был и не мог быть предусмотрен законодателем, опиравшимся на дух свободной рыночной экономики. Более того, в схожем по содержанию деле Арбитражный суд Томской области указал, что ссылаться на Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» некорректно, поскольку им не предусмотрено ограничение охраны исключительных прав иностранных компаний. Поэтому действующее в тот период решение Арбитражного суда Кировской области по делу № А28-11930/2021 не является преюдициальным судебным актом.

В качестве еще одного примера, но уже действительной актуализации, рассмотрим постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017[112]. Суть спора заключается в следующем: финансовый управляющий гражданина признанного несостоятельным (банкротом) и в отношении которого открыта процедура реализации имущества намеревался получить доступ к криптокошельку

[112] См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1444056#kZ8fCwSrKo3LFtuH (дата обращения: 01.08.2025).

гражданина-банкрота. Вместе с тем, суд первой инстанции отказал в иске, исходя из отсутствия правового режима криптовалюты на территории Российской Федерации и, как следствие, невозможности признать ее объектом гражданских прав. Финансовый управляющий должника не согласился с выводами суда первой инстанции и подал апелляционную жалобу в Девятый арбитражный апелляционный суд, в которой просит отменить данное определение и полностью удовлетворить его ходатайство. Позиция гражданина-банкрота заключалась в том, что криптовалюта не может выступать в качестве имущества, объекта гражданских прав, поскольку не перечислена в ст. 128 Гражданского Кодекса РФ (далее - ГК РФ) и поэтому не подлежит включению в конкурсную массу. Суд первой инстанции эти доводы поддержал. Апелляционная инстанция опровергла правовую позицию суда первой инстанции, сославшись на диспозитивный характер перечня объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, который включает как материальные, так и нематериальные объекты, что создает правовые предпосылки для распространения гражданско-правового режима на новые формы имущества, включая цифровые активы. Поскольку нормы гражданского права в Гражданском кодексе Российской Федерации являются диспозитивными, в нем не предусмотрен исчерпывающий перечень объектов гражданских прав, оставляя возможность для гибкого регулирования этих отношений сторонами.

Девятый арбитражный апелляционный суд констатировал, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации не содержит легальной дефиниции понятия «иное имущество», упомянутого в ст. 128 ГК РФ. В связи с этим суд применил подход, допускающий экстенсивное толкование данной категории с учетом современных экономических реалий и уровня развития цифровых технологий. Апелляционная инстанция указала на несостоятельность правовой позиции суда первой инстанции, отметив, что отрицание возможности применения к криптовалютам норм, регулирующих аналогичные правоотношения, противоречит положениям ст. 6 ГК РФ. В соответствии с указанной нормой, при невозможности использования аналогии закона, права и обязанности сторон

определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права), а также требований добросовестности, разумности и справедливости. Суд установил, что криптовалюта обладает свойствами имущественного актива и подлежит квалификации в качестве иного имущества в контексте ст. 128 ГК РФ. Таким образом, апелляционная инстанция посредством юридической герменевтики осуществила правовую актуализацию нормативного положения, распространив его действие на новый вид финансового инструмента.

Аналогичным образом суды стали относить криптовалюту к имуществу и в других делах. Арбитражный суд г. Москвы в рамках дела № А40-12639/2016 постановил обязать должника совершить следующие нотариально удостоверенные действия: предоставить финансовому управляющему доступ к биткоин-кошельку, участвовать в составлении акта приема-передачи виртуальных активов. Решение создает правовой прецедент, квалифицирующий криптовалюты как составную часть конкурсной массы, подлежащую включению в имущество банкрота.

В условиях нарастающей правовой неопределенности в квалификации цифровых активов был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный нормативный акт впервые на законодательном уровне наделил цифровую валюту правовым статусом имущественного актива для определенных категорий правоотношений. Законодательная инициатива за № 902782-8 «О внесении изменений в ст. 104-1 УК РФ и УПК РФ (об особенностях изъятия цифровой валюты)»[113] уже принята Государственной Думой в первом чтении и готовится к рассмотрению во втором чтении.

Таким образом сама суть деятельности, в том числе судебной, по толкованию закона сводится к анализу, изучению, уяснению, разбору и разъяснению

[113] См.: Законопроект № 902782-8 «О внесении изменений в ст.ю 104-1 УК РФ и УПК РФ (об особенностях изъятия цифровой валюты)» [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (дата обращения: 01.08.2025).

действующего положения права, а не к выведению каких-либо новых требований и запретов. Суть правотворчества, по мнению Р.Б. Головкина, можно определить как процесс создания правовых положений, которые получают в дальнейшем нормативное закрепление в издаваемых в рамках своей компетенции управомоченными органами государственной власти нормативных правовых актов[114]. Позиция, при которой правоинтерпретационная деятельность суда понимается и ошибочно смешивается с правотворческой деятельностью органов законодательной власти России, противоречит духу романо-германской правовой системы.

Объем и границы судебного толкования детерминированы системой объективных и субъективных факторов, образующих его доктринальные пределы. К числу ключевых детерминант относятся: тип правовой системы (романо-германская или общего права), компетенция судебного органа, темпоральные и пространственные ограничения, субъектная характеристика правоотношения, а также устоявшиеся национальные традиции юридической герменевтики[115]. И.А. Минникес и Е.В. Пирмаев обоснованно утверждали, что проблема детерминации предметных границ судебной юрисдикции не может быть разрешена раз и навсегда установленным образом, в силу чего и пределы судебного толкования носят принципиально динамичный и эволюционирующий характер[116]. А.Н. Верещагин отмечал, что степень и характер ограничений, налагаемых на правотворческую активность судов, сильно варьируется в различных правовых системах[117].

Еще в 1842 году К. Маркс отмечал важность толкования законов в постоянно

---

[114] См.: Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. Р.Б. Головкина, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашова. Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. С. 219.

[115] Пирмаев Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. Иркутск, 2019. С. 77.

[116] Минникес И.А., Пирмаев Е.В. Пределы судебного толкования // Пролог: журнал о праве / Prologue: LawJournal, 2019. № 3. С. 7.

[117] Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 112.

усложняющейся системе права: «Судья обязан толковать закон в применении к отдельному случаю так, как он понимает закон при добросовестном рассмотрении. Разнообразие же отдельных случаев, отличающихся специфическими особенностями, настолько велико, что даже самый ясный закон не может быть применим на практике без его толкования»[118]. Обеспечение доступности и высокого качества правосудия при экспоненциальном росте количества нормативных правовых актов и юридических документов может быть обеспечено на основе автоматизации процессов их содержательной обработки с применением систем искусственного интеллекта.

В последнее время в зарубежном пространстве все большую популярность набирает идея применения динамично развивающихся систем искусственного интеллекта для повышения качества правосудия.

Методология судебного толкования, опосредованная применением технологий искусственного интеллекта, приобретает качественно новые свойства, которые накладывают системные ограничения на процесс и результат интерпретационной деятельности в правоприменительной практике. Особенности толкования права с применением технологий искусственного интеллекта определяются применением информационных технологий и систем автоматической смысловой обработки информации, которые используют собственную систему понятий, методологию анализа и синтеза информационных систем.

В эвристических системах искусственного интеллекта правовые нормы могут быть представлены логическим выражением, содержащим данные, логическое условие, результат. Такие системы для толкования законодательства используют правила логического вывода («Если (условие), то (действие)»), определяющие алгоритмы их функционирования. Пределы судебного толкования в эвристических системах искусственного интеллекта определяются полнотой

[118] См.: Маркс К. Сочинения: в 30 т. / Маркс К., Энгельс Ф. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1: [1839 – 1844 гг.]. 1955. XVI, С. 415.

загруженной в них информации и правил логического вывода, являющимися алгоритмами их функционирования. То, насколько разработчик системы обучил ее, пояснив и описав для каждой ситуации кто является «субъектом», что является «объектом», «гипотезой», «диспозицией» и «санкцией» в каждом правовом положении и будет определять границы возможного толкования права эвристической системой искусственного интеллекта, поскольку сама она самообучаться не может.

При толковании законодательства в нейроматематических системах искусственного интеллекта анализируемыми процессами толкования являются процесс интерпретации загруженных в систему данных во внутреннее представление информации (процесс уяснения) системой для формирования алгоритмов функционирования нейроматематической системы искусственного интеллекта, а также процесс синтеза толкований права (разъяснений) по запросу судьи. Когнитивная система искусственного интеллекта сама интерпретирует загруженные в нее правовые акты и другие юридические документы, сама понимает кто является «субъектом», что является «объектом», «гипотезой», «диспозицией» и «санкцией», а также формирует толкования по запросам. Но, как было отмечено ранее, процесс уяснения информации такой технологией пока не получается представить в понятном человеку виде.

Пределы судебного толкования в нейроматематических системах искусственного интеллекта определяются возможностью интерпретации обученных моделей для формирования понятных человеку описаний результатов внутреннего представления знаний (уяснения) и генерации разъяснений права.

Качество семантической обработки правовой информации искусственным интеллектом обусловлено двумя группами критериев: объективными (полнота и достоверность нормативного массива в обучающих данных) и субъективными (возможность проверки алгоритмической логики на соответствие догме права). Совокупность этих факторов определяет потенциал использования искусственного интеллекта для решения профессиональных юридических задач.

Для систем искусственного интеллекта отсутствует нормативные правовые документы и техническая возможность проверки вышеизложенных критериев оценки качества обработки информации.

Таким образом пределы судебного толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта ограничиваются функциями автоматизации процессов деятельности суда, в том числе автоматической смысловой обработки информации и подготовки судебных решений и актов судебного толкования права.

Функции окончательного принятия решений являются принципиальным ограничением возможности применения систем искусственного интеллекта в судебном толковании права. Это обусловлено наличием комплекса нормативных правовых положений и технологических ограничений применения систем искусственного интеллекта для принятия решений, согласно которым окончательное решение остается за субъектом толкования - судьей.

2.3. Свобода судейского усмотрения при толковании права с применением технологий искусственного интеллекта

Итоговой целью правового регулирования на протяжении всей истории развития государственности является регулирование общественных отношений и приведение их к упорядоченности через воплощение описываемых в правовых нормах идеальных моделей поведения субъектов и сложно отрицать важную роль судьи в процессе реализации законодательных предписаний в жизнь.

И.А. Покровский, затрагивая этот вопрос писал, что «судья никогда не был и никогда не может стать простым механическим применителем закона, логической машиной, автоматически выбрасывающей свои решения. Его деятельность всегда имеет творческий элемент, и игнорировать этот последний значит также создавать

себе вредную фикцию, закрывать глаза перед неустранимой реальностью»[119].

Действительно, в условиях современного стремительного развития общественных отношений, свобода судейского усмотрения имеет особое значение, особенно учитывая, что на сегодняшний день многие отечественные правоведы признают наличие проблемы правовой неопределенности[120].

Из проведенного анализа юридической литературы следует, что в отечественной правовой доктрине нет единства мнений по поводу используемой терминологии в контексте исследуемого вопроса. Достаточно часто ученые-правоведы наряду с термином «судейское усмотрение» часто используют термин «судебное усмотрение» и порой проводя между ними различия.

Например, О.А. Папкова определяет судейское усмотрение как предусмотренную и строго регламентируемую законодательством, ограниченную общими и специальными пределами, правоприменительную деятельность суда, заключающуюся в осуществлении выбора решения правового спора с целью достижения возложенных государством на судебную власть публичных целей[121]. В то же время А. Барак определяет судейское усмотрение как делегированное судье полномочие выбирать из ряда возможностей, каждая из которых законна в контексте системы[122]. В свою очередь П.А. Гук понимает судейское усмотрение как предоставленное судье право свободно анализировать и выбирать единственно верный, с учетом законодательно закрепленных принципов и имеющихся правовых позиций, вариант разрешения спора, которым, по существу, урегулируются общественные отношения с закреплением полученного результата в судебном акте[123].

---

[119] Основные проблемы гражданского права / Покровский И.А. М.: Статут, 2013. С 70 - 71.

[120] См.: Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 25.

[121] См.: Папкова О.А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. С. 212

[122] См.: Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. Ч. 1 М.: НОРМА, 1999. С. 176.

[123] См.: Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ. диссертация ... доктора юридических наук: М. 2012. С. 220.

В контексте исследуемой темы данные термины являются тождественными, поскольку исходя из анализа многочисленных определений вышеназванных терминов следует, что ученые-правоведы в определении обоих терминов включают свободу и полномочие суда (судьи) совершать выбор из нескольких альтернатив в процессе правоприменительной деятельности. В настоящем исследовании нам следует руководствоваться более широким взглядом на этот вопрос, но в качестве примера такого ограничения приведем позицию П.А. Гука, который пишет, что категория «судебное усмотрение» затрагивает деятельность не только судей, но еще и других работников аппарата суда, а категория «судейское усмотрение» используется при правоприменительной деятельности именно судьями[124]. Однако такое разделение этих понятий видится сомнительным, поскольку правом на судейское (судебное) усмотрение при осуществлении правосудия наделены исключительно судьи.

Более широкий подход необходим поскольку, как было указано ранее, судебное толкование относится к форме официального толкования, так как судебная власть - это ветвь государственной власти. В данном контексте совершенно неважно единолично судья, коллегия судей или весь суд целиком приняли правоприменительный акт, содержащий интерпретацию положений гражданского законодательства. Однако, как представляется, корректным терминологическим обозначением представляется именно «судейское усмотрение», поскольку в процессуальном аспекте окончательное принятие правоприменительного акта осуществляется судьей единолично либо судебной коллегией в рамках делегированных государством полномочий. При этом реализация дискреционных правомочий происходит от имени Российской Федерации, а субъекты реализуют правоприменительные функции исходя из своего правосознания и, как полагает уже упомянутый П.А. Гук, в широком аспекте эти понятия могут совпадать, но в более узком понимании они все же различаются.

---

[124] Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 72.

Институт особого мнения судьи занимает значимое место в системе правовых гарантий судейской независимости. Как верно отмечает Д.А. Басангов применительно к конституционному правосудию, данное правовое явление сочетает в себе: персонифицированное выражение профессиональной правовой позиции, реализацию специального статуса субъекта судебной власти, доктринальную интерпретацию нормативного материала, потенциал для оптимизации законодательной политики. Указанные характеристики позволяют квалифицировать особое мнение как юридико-технический инструмент развития правовой системы[125]. Но особо обозначим, что особое мнение судей не является формой официального толкования в отличии от судейского толкования, а является, ввиду непосредственного субъекта, близкой по сути к судебному толкованию формой профессионального неофициального толкования. По сути, само существование этого явления доказывает неизбежность возможности различия мнений судей при разрешении правовых споров. Как отметил А.Н. Верещагин, особое мнение судьи не является авторитетным источником формирования отечественной правовой доктрины, способным в значительной мере повлиять на правоприменительную практику, а является личным толкованием законодательных положений судьей, как профессиональным юристом[126].

Если же проанализировать имеющиеся многочисленные определения приведенных терминов, то можно заключить, что судейское усмотрение представляет собой логическую деятельность судьи, которая предполагает осуществление выбора пути разрешения правового спора в рамках действующего законодательства. Наиболее удачным видится определение О.А. Папковой. Необходимо также особо отметить, что судейское усмотрение предполагает строго регламентированный процесс, глобальной целью которого является достижение

---

[125] См.: Басангов Д.А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 31.

[126] Верещагин А.Н. Особые мнения в российских судах // Сравнительное конституционное обозрение. М.: Институт права и публичной политики, 2006, № 4 (57). С. 167.

возложенных государством на суд публичных целей для достижения оптимального правового регулирования общественных отношений.

Как корректно указывает А. Барак: «Где есть право, там будет и судейское усмотрение. История права есть также история расширения или сужения судейского усмотрения в различные времена и при различных обстоятельствах, согласно соответствующим политическим соображениям»[127]. Особое внимание он заостряет на том, что в действительности важнейшим проблемным вопросом является не допущение существования судейского усмотрения вообще, а определение объема и пределов такого усмотрения.

Институт судейского усмотрения выполняет системообразующую функцию в механизме правового регулирования, компенсируя имманентно присущую законодательству абстрактность через индивидуализацию применения нормативных предписаний. Данная юридико-техническая необходимость детерминирована принципиальной невозможностью законодательной фиксации всех возможных моделей правового поведения в условиях динамично развивающихся общественных отношений. Проблему правовой неопределенности в условиях стремительного развития общественных отношений вызванную невозможностью моментального законодательного регулирования новых возникающих изменений невозможно игнорировать.

Более того, Н.С. Погорелова раскрывая содержание понятия «судейское усмотрение» заостряет внимание на важности профессионализма, правовой культуры и мировоззрения судьи при осуществлении правоприменительной деятельности поскольку, по ее мнению, судейское усмотрение корреспондирует интеллектуальной деятельности судьи и если в одном случае внутреннее убеждение судьи может рассматриваться в качестве результата судейского усмотрения, отражающее его уверенность в выборе правильного способа решения,

[127] Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. Ч. 1 М.: НОРМА, 1999. С. 227.

то в другом оно может служить основой принятия верного решения[128].

Концептуальное определение, предложенное судьей А.А. Суворовым, трактует пределы судейского усмотрения как нормативно установленные требования и юрисдикционные рамки, соблюдение которых гарантирует соответствие дискреционных решений критериям законности, обоснованности и справедливости[129]. Примечательно, что Кодекс судейской этики (VII Всероссийский съезд судей, 19 декабря 2012 г.) содержит прямой императив, устанавливающий, что легитимная судебная защита прав и свобод человека недопустима вне условий реализации принципов справедливости и беспристрастности[130].

Так, в качестве примера закрепления пределов судейского усмотрения можно привести п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» который прямо указывает, что анализ положений гражданского законодательства должен осуществляться в контексте фундаментальных принципов гражданского права, образующих нормативный фундамент отрасли в соответствии со ст. 1 ГК РФ. Иными словами, любое толкование права должно отвечать «духу» отечественного закона, его общим началам, но определенную сложность все же вызывает судейское усмотрение права, имеющее оценочный характер, когда используются такие категории как «добросовестность», «справедливость» и другие поскольку они сами по себе являются принципами права. В этом случая особенно большое значение приобретает вышеупомянутое замечание Н.С. Погореловой о важности правовой

---

[128] См.: Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов на Дону. 2008. С. 19.

[129] См.: Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. М.: Юстицинформ, 2020. С. 98.

[130] См.: Кодекс судейской этики. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 01.08.2025).

культуры и мировоззрения самого судьи.

Так, принцип добросовестности участников гражданских правоотношений закреплен в ч. 3 ст. 1 ГК РФ, а в соответствии с ч. 5 ст. 10 ГК РФ разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений презюмируется[131]. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что для надлежащей оценки добросовестности действий сторон необходимо «исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации»[132]. Верховный Суд далее также отметил, что у судов есть правовая возможность по своей инициативе признать действия стороны недобросовестными. Однако, как отмечает судья Московского областного суда, Г.В. Вердиян, фундаментальных научных исследований по этой проблеме крайне мало и для более точного разрешения возникающих на практике задач необходимо более тщательное изучение и более подробный анализ этого направления[133].

Поскольку пределы судейского усмотрения выполняют функцию системного гаранта соблюдения требований законности, обоснованности и справедливости при реализации судебной дискреции, представляется необходимым осуществить доктринальную декомпозицию указанного аспекта.

Законность судейского усмотрения обеспечивает в том числе законность правоприменительного акта суда и состоит в правильном уяснении судьей применяемых норм и основных начал законодательства.

Касательно обоснованности судебного решения в п. 3 Постановления

---

[131] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) … С. 107.

[132] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 01.08.2025).

[133] См.: Вердиян Г.В. Принцип добросовестности в гражданском праве России: судейское усмотрение и процессуальные приемы его реализации // Мировой судья. 2019. № 1. С. 38.

Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» говорится, что: «решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»[134]. Институт обоснованности судейского усмотрения имплицирует необходимость установления каузальной связи между содержанием судебного акта и совокупностью доказательственно установленных обстоятельств, обладающих юридической значимостью для надлежащей квалификации правоотношений и вынесения правомерного решения.

Справедливость судейского усмотрения непосредственно зависит от внутренних воззрений самого судьи, уровня его правовой культуры. Как указано в ст. 6 Кодекса судейской этики, каждый судья обязан придерживаться высоким стандартам морали и нравственности в любых обстоятельствах. Судья должен обладать определенной совокупностью нравственных, волевых, психологических и социальных свойств личности, определяющих его поведение как при осуществлении возложенных на него полномочий, так и в повседневной внеслужебной деятельности. Профессиональная подготовка судебного правоприменителя обеспечивает адекватность интерпретации законодательных положений, поскольку имплицирует наличие специальных познаний в области судебной практики, методики нормативной интерпретации и применения фундаментальных принципов права.

Изучая субъективную сторону деятельности судей и, в частности, судейского усмотрения, Н.В. Щербакова отметила, важность правовой установки личности

---

[134] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23. О судебном решении [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45640/ (дата обращения: 01.08.2025).

судьи, то есть готовность проявлять активность в области изучения правовых положений и при последующем правоприменении[135].

В этой связи актуальным является вопрос пределов «судейского» усмотрения по отношению к технологиям искусственного интеллекта.

Законность, беспристрастность и обоснованность выводов системы искусственного интеллекта при толковании законодательства зависят от данных ее обучающей выборки. Важно иметь массив именно верифицированных данных таких как, например, действующее законодательство, позиции высших судебных инстанций, доктринальные положения и т.п. для обучения системы на корректных данных. Именно некорректно выбранные данные для обучения американской система COMPAS привело к проявлению расовых и социальных стереотипов в ее оценке рисков преступного поведения.

Но говорить о гарантиях справедливости выводов существующих технологий «слабого» искусственного интеллекта при толковании законодательства не приходится. Как отмечено выше, справедливость судейского усмотрения непосредственно зависит от внутренних воззрений судьи и уровня его правовой культуры, что, как верно отметил В.А. Рубанов, не может быть получено из набора вычислительных инструкций[136].

Такое положенные вещей доказывает обоснованность позиции о невозможности применения концепции «электронного судьи», в соответствии с которой судью-человека может заменить компьютер. Технологии искусственного интеллекта должны являться инструментом, а не субъектом толкования права. Следует считать высокорисковыми технологии и системы искусственного интеллекта, предназначенные для автоматизации процессов отправления правосудия, использования судебным органом или от его имени с целью оказания помощи в исследовании и толковании фактов и закона, а также в применении

---

[135] См.: Щербакова Н.В. правовая установка и социальная активность личности. М.: Юридическая литература, 1986. С. 65.
[136] Рубанов В.А. Вижу смысл. Т. 1. Метафизика смыслов. М., 2022. С. 17.

закона к конкретному набору фактов, или для разрешения споров в указанных выше целях, когда результаты процедур разрешения споров имеют правовые последствия. Использование технологий искусственного интеллекта может обеспечить поддержку полномочий судей по принятию решений или независимости судебной системы, но, на нынешнем научно-техническом этапе развития общества, не должно заменять их: окончательное принятие решений должно определяться человеком.

2.4. Правила и основной принцип толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта

Нормативно-правовая регламентация применения систем искусственного интеллекта в целях судебной интерпретации права требует учета технологических особенностей эвристических и нейросетевых алгоритмов. Данная задача имеет комплексный характер, находясь на стыке юриспруденции и компьютерных наук, поскольку сама процедура толкования правовых норм когнитивными системами интегрирует в себе научно-технические и правовые компоненты.

Нормы-дефиниции, являясь специальными правовыми положениями, играют важнейшую роль в толковании отдельных законодательных и подзаконных актов, разъясняя значения терминов, используемых в тексте соответствующих нормативных правовых актов, что обеспечивает единообразное понимание и применение правовых норм[137]. А.В. Поляков рассматривает дефиниции как «когнитивные правила законодательства», полагая что они имеют интеллектуальную направленность и субъектам права необходимо принять их к

[137] См.: Кузнецова О.А. Нормы-дефиниции в праве (на примере гражданского права) // Вестник пермского университета. 2003. № 3. С. 62.

сведению[138]. В настоящее время нормы-дефиниции включены в большинство значимых законодательных актов, обеспечивая точность и однозначность толкования правовых положений. В дифинитивных нормах права отсутствуют компоненты: гипотеза, диспозиция и санкция. Таким образом для когнитивных систем искусственного интеллекта нормы-дефиниции являются базовыми классами объектов онтологии юриспруденции, определяющими основные семантические концепты, их связи и правила (теоремы и ограничения).

Результаты толкования права с юридической точки зрения чаще всего выражаются в интерпретационном акте[139]. Данный документ может представлять собой как правоприменительный акт уполномоченного органа государственной власти (в том числе судебное постановление), так и иной юридический документ (например, исковое заявление, договор), а также текст, не обладающий юридической силой, к числу которых относятся научные публикации, публицистические статьи, экспертные заключения и иные материалы. В процессе интерпретации норма может быть понята одним из трех способов: ее содержание совпадает с буквальным смыслом текста (буквальное толкование), содержание нормы выходит за рамки ее дословной формулировки (расширительное толкование), либо же содержание нормы оказывается уже, чем указано в формулировке (ограничительное толкование). В процессе толкования интерпретатор также выполняет роль критика нормы, проверяя, соответствует ли толкуемая норма Конституции и другим законодательным актам более высокой юридической силы, а также нет ли противоречий с нормативными актами аналогичного уровня. Таким образом, интерпретационные акты стоит

---

[138] Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. - СПб.: Юрид. пресс-центр. 2003. С. 710.

[139] Терехов Е.М. Интерпретационные акты как «продукт» правоинтерпретационной деятельности. Теория государства и права. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 47.

рассматривать в качестве основного «продукта» правоинтерпретационной деятельности[140].

Эффективность процесса толкования зависит от множества факторов, включая технико-юридическое качество текста интерпретируемого акта, уровень профессиональной подготовки интерпретатора и другие аспекты. Указанные положения должны учитываться при разработке структуры правил подсистемы управления знаниями когнитивной системы.

Эвристические методы обработки данных требуют поддержки актуальности словарных баз данных и правил словообразования, баз правил лингвистического анализа неструктурированной текстовой информации. Однако поддержка их актуальности представляет собой сложный, плохо автоматизируемый процесс[141].

Для обучения нейронных систем искусственного интеллекта потребуются большие массивы верифицированных текстов, содержащих нормативные документы, толкования норм права, решения судов, справочные документы и т.п.

Таким образом, толкование права в системах искусственного интеллекта должны базироваться на применении следующих правил[142]:

- терминам (техническим и другим специализированным терминам, использованным в законодательном акте) и наиболее значимым словам, и словосочетаниям (как правило объект, субъект и предикат предложения текста) сопоставляется соответствующее им онтологическое значение;

- в случае наличия омонимии (многозначности) термина или выражения текста правовой нормы при её толковании следует отдавать предпочтение наиболее

---

[140] Терехов Е.М. Интерпретационные акты как «продукт» правоинтерпретационной деятельности … С. 48.

[141] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологии и правовое регулирование систем искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: Учебное пособие. М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. С. 24.

[142] Огарок А.Л., Огарок М.А., Жаворонкова О.Г. Толкование гражданско-правовых норм и семантическая обработка информации в системах искусственного интеллекта // Информатизация и связь. 2024, № 7, С. 40.

корректному значению на основе разрешения омонимии с использованием как логических правил, так и обученных моделей искусственного интеллекта;

- при толковании правовой нормы системами искусственного интеллекта необходимо контролировать результаты такого толкования на их соответствие принципам права, а также соотносить их с практикой высших судебных органов страны, а также общепризнанных мнений специалистов в области права (communis opinio doctorum);

- для детализации структуры правовой нормы при толковании норм права следует определить, какие цели преследовал законодатель при создании рассматриваемой нормы права.

Соответственно, с учетом специфики применения технологий искусственного интеллекта при толковании законодательства, основным принципом является судейский контроль: судья должен ознакомиться с результатом толкования, подготовленным системой искусственного интеллекта, оценив его, в том числе, на предмет соблюдения принципов права, морали и этики.

Системы искусственного интеллекта остаются инструментами, созданными и контролируемыми людьми. Детерминированное поведение систем искусственного интеллекта определяется заложенными алгоритмами, правилами функционирования и статистическими данными, содержащимися в массивах данных, использованных для их обучения. Правовые установки и социальная активность - это атрибуты личности, недоступные компьютерным системам. В настоящее время системы искусственного интеллекта не обладают самосознанием, не способны самостоятельно понимать и применять нормы морали и этики. Возможно обучить системы искусственного интеллекта имитации норм морали и этики на массивах данных, в которых отражены не только правовые нормы, но и их применение с учетом моральных и этических аспектов. Однако при этом системы искусственного интеллекта все равно не обладают самосознанием, моралью и этикой, а только лишь корректируют принятие решений с учетом ранее принятых человеком решений, в которых были учтены принципы морали и этики.

Разработчики систем искусственного интеллекта потенциально могут заложить в системы искусственного интеллекта правила обучения новым правовым положениям для последующего их правоприменения. Однако процесс самообучения должен быть контролируемым разработчиками, поскольку, системы искусственного интеллекта могут обучиться правилам, противоречащим нормам этики и морали. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта устанавливает императивный запрет на передачу системам искусственного интеллекта полномочий по осуществлению ответственного нравственного выбора и делегирование ответственности за последствия их функционирования. Правовое регулирование закрепляет принцип персональной ответственности физических и юридических лиц, обладающих правосубъектностью по законодательству Российской Федерации, за все последствия работы систем искусственного интеллекта[143]. Важно отметить, что по состоянию на апрель 2024 г. к кодексу этики в сфере искусственного интеллекта присоединилось более 360 организаций и органов власти РФ, в том числе 43 федеральных органа исполнительной власти, 17 органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, как стандарту, признанному на международном уровне.

При толковании права, свобода судейского усмотрения регулируется не только законодательством РФ, но и разъяснениями российских судов высших инстанций. В то же время нельзя упускать важность профессиональной подготовки и морально-этических воззрений самого судьи-интерпретатора для правильного толкования права, поскольку стремительное развитие экономического базиса общества требует все более сложный механизм правового регулирования, который бы служил его гарантом и обеспечивал его стабильность, что в свою очередь требует от судьи правильного понимания применяемых правовых норм и начал законодательства. Пределы судейского усмотрения способствуют исключению

---

[143] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2025/05/23/Кодекс_этики_20_10_1_yKu2UtZ.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

создания новых правил поведения судом, то есть ограничивают возможность судебного правотворчества и, в то же время, они способствуют снижению ошибок, в том числе судебных, при уяснении и разъяснении положений законодательства применительно к правоприменительной действительности.

Выводы по главе:

В результате проведенного исследования пределов, способа и видов судебного толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта можно сформулировать следующие выводы:

1. На современном этапе развития права и технологий представляется оправданным выделение нового способа толкования права - технологического. Применение технологического способа толкования права осуществляется субъектами толкования (судьей) с использованием систем искусственного интеллекта для автоматизации процессов судебной интерпретации права. Предложенный способ толкования права с использованием технологий искусственного интеллекта (технологический способ толкования права) создает предпосылки для повышения эффективности интерпретационной деятельности через автоматизацию процессов разработки проектов толкования права и обработки релевантных данных, требующих учета при комплексном анализе нормативных предписаний.

2. Функциональный потенциал систем искусственного интеллекта в судебном толковании права ограничивается задачами автоматизации вспомогательных процессуальных операций, включая семантический анализ правовой информации и подготовку проектов интерпретационных актов. Ключевым ограничивающим фактором остается недопустимость делегирования искусственному интеллекту дискреционных полномочий по окончательному принятию судебных решений.

3. Внутреннее убеждение и правовая культура судьи играют ключевую роль в процессе судейского усмотрения, позволяя ему делать осознанный выбор среди

множества возможных решений. Такое положенные вещей доказывает обоснованность позиции о невозможности применения концепции «электронного судьи», в соответствии с которой судью-человека может заменить компьютер. Технологии искусственного интеллекта должные являться инструментом, а не самостоятельным субъектом толкования права.

4. Ключевым принципом применения технологий искусственного интеллекта в процессе интерпретации законодательства выступает институт судебного контроля: судья обязан осуществить всесторонний анализ результатов толкования, сформированных системой искусственного интеллекта, с проведением экспертной оценки их соответствия нормативно-ценностным критериям, включая принципы права, моральные нормы и этические стандарты.

Глава 3. ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОМ ТОЛКОВАНИИ ПРАВА

3.1. Потенциал применения и проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности

Цифровизация современного общества обусловливает экспоненциальный рост объемов неструктурированных данных. Согласно прогнозу международной аналитической компании IDC (International Data Corporation) объем доступных для обработки данных в 2025 году вырос до 163 зеттабайт (то есть триллиона гигабайт), причем значительная часть данных будет неструктурированной. Это в десять раз больше 16,1 зеттабайт данных, сгенерированных в 2016 году. IDC оценивает, что объем глобальной сферы данных, подлежащей анализу, вырастет в 50 раз до 5,2 зеттабайт в 2025 году[144]. Большой объем данных повышает требования к скорости их анализа для обеспечения актуальности результатов обработки информации. Технологии искусственного интеллекта позволяют автоматизировать и многократно ускорить процесс содержательной обработки данных. Для обеспечения актуальности информации обработка постоянно увеличивающегося объема данных, в первую очередь неструктурированной тестовой информации, должна выполняться в автоматическом режиме. Целесообразность применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности обусловлена в том числе тем, что число судей на 100 тыс. населения в России уменьшилось с 2012 г. более чем на 30%, в то время как работники аппаратов судов, численность которых с 2014 г. практически не менялась, перерабатывают вдвое больше информации и

[144] См.: Data Age 2025. The Evolution of Data to Life-Critical: [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.seagate.com/files/www-content/our-story/trends/files/Seagate-WP-DataAge2025-March-2017.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

документов. В то же время в России наблюдается постоянный рост количества рассматриваемых судами дел: в 2001 г. рассмотрено 8,5 млн дел, в 2011 г. - 20 млн, в 2021 г. - 39,2 млн дел[145]. В апреле 2024 г. В.В. Момотов заявил о нехватке более 4000 судей. Также, в декабре 2024 г. В.А. Иванов, Генеральный директор Судебного департамента при Верховном Суде РФ, на пленарном заседании Совета судей РФ отметил, что некомплект судей увеличился в арбитражных судах на 29%, в судах общей юрисдикции на 17%, среди мировых судей на 13%[146].

Существующие технологии искусственного интеллекта позволяют автоматизировать рутинные операции обработки данных, в том числе повысить эффективность вспомогательных процессов поддержки юридической деятельности. Автоматизация вспомогательных процессов позволяет снизить нагрузку на человека, но не избавляет его от выполнения функций по контролю толкования и смысловой обработки информации. С.В. Тиханова небезосновательно считает, что электронное правосудие является одним основных элементов электронного государства[147]. Перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность суда признаются многими отечественными и зарубежными исследователями. Например, Т.Я. Хабриева справедливо указывает, что цифровые технологии способны оказать значительное влияние на эффективность и потенциал права[148]. Действительно, в процессе внедрения технологий искусственного интеллекта судебная деятельность, в том числе правоинтерпретационная, как специфическая форма реализации права судом

---

[145] Степанов О.А. Искусственный интеллект и развитие судебной практики // Судебная юриспруденция: от доктрины к единообразию судебной практики: монография / О.А. Степанов; отв. ред. Н.С. Бондарь. М.: ИЗиСП; Норма, 2024. 383 с.

[146] Нехватка судей в России выросла до 20% [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/12/03/1078913-nehvatka-sudei (дата обращения: 01.05.2025).

[147] Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза // Информационное право. 2014. № 6. С. 5, 6.

[148] Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5 - 16.

трансформируются: повышается прозрачность судебного процесса, упрощаются процедуры ведения дел[149].

Интересной представляется позиция судьи Арбитражного суда города Москвы В.А. Лаптева, рассмотревшего несколько вариантов степени внедрения технологий искусственного интеллекта в судебное разбирательство и делопроизводство, а также процессуальные преимущества таких технологий, начиная от внедрения чат-бот помощников на основе специального судебного искусственного интеллекта и заканчивая рассмотрением перспектив и реальных возможностей внедрения систем «судебного искусственного интеллекта» в качестве первой инстанции по некоторым категориям судебных дел[150]. При этом, он отмечает, что Цифровая эволюция судебной системы через интеграцию технологий искусственного интеллекта обеспечивает оптимизацию процессуальных механизмов путем реаллокации судейских полномочий - передачи технико-вспомогательных функций автоматизированным системам с одновременным сохранением за судьей дискреционных прерогатив. Данная трансформация способствует достижению объективности и технологической транспарентности правосудия как фундаментальных требований современной судебной реформы[151].

В настоящее время существует ряд нерешенных научных вопросов по междисциплинарным юридическим и технологическим аспектам толкования данных и их смысловой обработки в когнитивных компьютерных системах[152]. Так, для реализации перспективных направлений по применению технологий искусственного интеллекта в процессе судебного разбирательства первоначально

---

[149] Придворова М.Н. Судебное правоприменение: проблемы толкования закона / М.Н. Придворова // Вестник ТГУ. 2006. Вып. 4 (44). С. 28 - 31.

[150] Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография. М., 2022. С. 10.

[151] Лаптев В. А. Искусственный интеллект в суде (judicial AI): правовые основы и перспективы его работы // Российская юстиция. 2021. № 7. С. 10 – 13.

[152] См.: Панов О.В. Функциональная структура бессознательного и возможность формирования новых принципов искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского М.: ИИнтеЛЛ, 2006. С. 108. С. 221.

необходимо решить проблемы, затрагивающие технологические и нормативно-правовые аспекты толкования данных и их смысловой обработки с использованием технологий искусственного интеллекта, то есть вопросы толкования права искусственным интеллектом.

С позицией В.А. Лаптева в некоторой мере можно согласиться, но очень важно отметить совершенно справедливое замечание А.В. Корнева, указавшего, что активное внедрение цифровых технологий в юридической деятельности пусть и способствует оптимизации правового пространства, но при этом приводит к возрастанию угроз и рисков, в том числе социальных[153]. Опасность применения существующих технологий искусственного интеллекта в процессе принятия судебного решения во многом видится в том, что искусственному интеллекту на данном этапе его развития недоступны многие оценочные категории, такие как, например, «справедливость» и «разумность».

В этой связи представленная выше классификация технологий искусственного интеллекта, предназначенных для использования судом с целью оказания помощи судье в исследовании и толковании фактов и закона, когда результаты разрешения споров имеют правовые последствия для людей в качестве высокорисковых, представляется вполне закономерной. Указанный правовой режим не применяется к системам искусственного интеллекта, осуществляющим технологическое сопровождение судебной деятельности без воздействия на юридически значимые аспекты отправления правосудия, в частности: автоматизация процессуального документооборота (создание систем анализа и классификации судебных документов), обработка деперсонифицированных данных (анализ статистических массивов судебной практики), реализация обеспечительных процедур (оптимизация вспомогательных процессуальных

[153] См.: Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9 (130). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-pravovye-riski-i-problema-ih-minimizatsii (дата обращения: 01.08.2025).

действий), отмечает В.В. Момотов[154].

Принципиальную возможность применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности признают К.Л. Брановицкий и И.Г. Ренц. Так, они предполагают два основных подхода осуществления судебной деятельности с применением технологий искусственного интеллекта. В первом варианте системами искусственного интеллекта без непосредственного участия человека, но под его контролем, осуществляется анализ обстоятельств дела и принятие процессуальных решений. Второй подход, при котором системы искусственного интеллекта анализируют обстоятельства дела и предлагают возможные варианты решений, но окончательное решение принимается судьей-человеком[155], видится более перспективным и реалистичным. Инструментарий искусственного интеллекта в контексте судебной герменевтики обладает производным значением, выполняя исключительно вспомогательные функции в рамках осуществления правосудия. Недопустима любая форма делегирования ответственности за принимаемые решения, поскольку бремя процессуальной ответственности сохраняется за судьей как носителем дискреционных полномочий в соответствии с принципами отправления правосудия.

Доктринально оправданным представляется подход, согласно которому внедрение искусственного интеллекта в судебную практику должно осуществляться в рамках концепции субсидиарного содействия, предполагающей технологическую поддержку, но не замещение дискреционных полномочий судьи автоматизированными алгоритмами принятия решений.

К безусловным преимуществам применения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права Д.А. Пашенцев относит их

---

[154] Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. М.: МГЮА. № 5, 2021. С. 190.

[155] Цифровые технологии и юрисдикционная деятельность: образ будущего правосудия по гражданским делам: монография / под ред. К.Л. Брановицкого, В.В. Яркова. М.: Статут, 2022. 328 с.

непредвзятость при принятии решения, скорость обработки ими имеющегося массива данных (законодательство, судебная практика и т.д.), а также отсутствие коррупционного фактора[156].

Системы искусственного интеллекта, реализующие процессы семантической интерпретации (толкования) права на сегодняшний день не являются юридически уполномоченными субъектами, осуществляющими толкование права, тем не менее они могут и, в соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, будут использоваться для автоматизации процессов семантической обработки информации.

Как было описано выше, процесс толкования законодательства - это процедура смысловой обработки информации, обеспечивающая возможность интерпретации смысла норм права (уяснение) и доведение этого смысла до других лиц (разъяснение). Уяснение и разъяснение права являются двумя ключевыми этапами процесса толкования. Реализуемые системами искусственного интеллекта технологические процессы смысловой интерпретации информации, пополнения собственных баз знаний по сути идентичны процессам мыслительной деятельности в процессе уяснения информации субъектами толкования норм права. Реализация технологических процессов семантической обработки информации системами искусственного интеллекта в виде формирования ответов на запросы субъектов эквивалента по содержанию процессу разъяснения информации субъектами толкования норм права.

Учитывая, что отечественный законодатель напрямую указывает, что современные системы искусственного интеллекта способны «интерпретировать (предоставлять информацию на основании запросов, например об объектах на изображении или о проанализированном тексте) и создавать мультимодальные данные (тексты, изображения, видеоматериалы и тому подобное) на уровне,

[156] Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. № 7. С 198 - 202.

сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их»[157], невозможно отрицать, что существующие системы искусственного интеллекта позволяют формировать документы, содержащие интерпретацию норм права. Однако когнитивная деятельность компьютерных систем по толкованию законодательства и юридических документов не является интерпретационной деятельностью субъектов толкования в рамках существующей теории права.

С точки зрения когнитивных систем семантическая (смысловая) обработка информации может осуществляться как биологическими субъектами (людьми), так и кибернетическими объектами (вычислительными системами). Современные системы искусственного интеллекта демонстрируют комплекс функциональных характеристик, релевантных для процессов генерации, трансляции и обработки информационных потоков. В частности, наблюдаются следующие проявления когнитивного потенциала:

- способность к автономному накоплению компетенций и генерации новых знаний;

- возможность создания охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности;

- функционал межсистемной коммуникации и интеграции когнитивных моделей.

Таким образом, результаты процессов толкования норм права и семантической обработки информации в системах искусственного интеллекта на сегодняшний день не обладают самостоятельной юридической силой и значимостью в силу отсутствия статуса субъекта толкования и неопределенности юридической ответственности за действия когнитивных компьютерных систем, однако логика технологической эволюции свидетельствует о системной

---

[157] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

неизбежности внедрения искусственного интеллекта как адекватного ответа на вызовы, связанные с экспоненциальным ростом неструктурированных данных. Данный процесс представляет собой объективную закономерность современного этапа цифровой трансформации правового пространства.

Руководствуясь феноменом юридической фикции, можно предложить приравнять результат толкования законодательства системой искусственного интеллекта, в случае одобрения такого толкования судьёй-человеком, к результату толкования правомочным субъектом - судьей. В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г.В. Осипова фикция устанавливается как «Нечто несуществующее, ложное, вымышленное, выдаваемое с определенной целью за действительное. Прием, состоящий в том, что действительность подводится под какую-то условную формулу»[158]. О. В. Танимов квалифицирует юридическую фикцию в качестве универсального технико-юридического механизма, используемого в процессе разработки и имплементации правовых норм, содержанием которого является легальное признание существующим определенного положения, хотя объективно таковое не существует в реальной действительности[159]. Как справедливо отмечает О.В. Танимов, юридические фикции зачастую выступают движущей силой для совершенствования правосудия[160]. С.А. Муромцев обращал внимание, что юридическая фикция служит средством «примирения консерватизма юридического мышления с потребностями правовой жизни»[161].

Внедрение технологий искусственного интеллекта в правоинтерпретационную деятельность суда на сегодняшний день является одной

---

[158] См.: Социологический энциклопедический словарь. На рус., англ., нем., фр. и чешском яз. Редактор-координатор академик РАН Г, В. Осипов. М.: Изд. гр. ИНФРА М - НОРМА, 1998. С. 225.

[159] См.: Танимов О.В. Теория юридических фикций / О.В. Танимов ; отв. ред. Т.В. Кашанина. М.: Проспект, 2016. С. 23.

[160] См.: Танимов О.В. Юридические фикции // Вестник Мордовского университета (Научно-публицистический журнал). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. С. 31.

[161] См.: О консерватизме римской юриспруденции: Опыт по истории римского права / С.А. Муромцев. С.Пб.: Лань, 2013. С. 5, 12, 81.

из таких «потребностей правовой жизни» и, несомненно, выступает в качестве движущей силы совершенствования правосудия. Для применения искусственного интеллекта в судебном толковании права представляется наиболее целесообразным использовать технологический способ толкования права. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года напрямую указывает на необходимость системной имплементации когнитивных технологий во все сферы публично-правовой деятельности. Документ акцентирует стратегическую значимость научно-исследовательской деятельности в области искусственного интеллекта, целесообразность формирования высококвалифицированного кадрового потенциала, необходимость интеграции компетенций в области искусственного интеллекта в образовательные стандарты.

Искусственный интеллект также может выявлять пробелы в регулировании и генерировать предложения для новых норм, помогая сделать право более современным и соответствующим реальным потребностям общества.

Таким образом искусственный интеллект выступает инструментом, который способен значительно расширить возможности толкования, конкретизации и актуализации норм права за счет обработки и анализа больших данных, ускорения юридических процессов и минимизации субъективности. Однако он не заменяет саму юридическую экспертизу и ценностные оценки, а служит эффективным помощником для специалистов, обеспечивая им дополнительные аналитические ресурсы и прогнозы. Искусственный интеллект помогает сделать правоприменение и правотворчество более эффективным и адаптивными, но ответственность и окончательная оценка остаются за человеком.

«Развитие искусственного интеллекта может стать как наиболее позитивным, так и самым страшным фактором для человечества» предполагал известный британский ученый С. Хокинг[162].

Ключевые преимущества интеграции искусственного интеллекта в процедуру судебного толкования права детерминированы следующими функциональными возможностями:

- оптимизация временных параметров судопроизводства посредством автоматизированного анализа значительных объемов юридической информации, сокращающего продолжительность обработки нормативно-правовых материалов и судебных прецедентов;

- минимизация субъективных факторов, поскольку автоматизированные системы способны устранять влияние личных предпочтений и предубеждений судей, обеспечивая большую объективность принимаемых решений;

- предсказание возможных последствий - искусственный интеллект может моделировать вероятные сценарии развития событий после вынесения судебного акта, что способствует принятию более сбалансированных и обоснованных решений;

- расширение доступности правосудия - использование искусственного интеллекта снижает финансовые и временные затраты на юридическое сопровождение, делая доступ к правосудию более доступным для широкого круга граждан практически без ограничений по времени доступа к юридическим сервисам.

Эти достоинства делают искусственный интеллект привлекательным инструментом для реформирования существующей системы правосудия, однако существует ряд серьёзных проблем, связанных с его исследованием и внедрением.

---

[162] Стивен Хокинг назвал искусственный интеллект «возможным убийцей человеческой цивилизации» [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://nauka.tass.ru/nauka/4217288 (дата обращения: 01.08.2025).

Как считает В.В. Ярков, в конечном счете технологии искусственного интеллекта, как инструмент, будет служить целям оптимального и эффективного разрешения спора, более результативному представлению позиции перед судом[163].

Для обеспечения корректности процесса правовой интерпретации и семантической обработки информации системами искусственного интеллекта требуются следующие обязательные условия:

- наличие релевантного корпуса верифицированных юридических документов, содержащих аутентичную и этически корректную информацию для машинного обучения;

- применение аккредитованных методик обучения искусственных нейронных сетей, основанных на сертифицированных алгоритмах формирования их когнитивных баз знаний.

Для обеспечения процесса корректного толкования правовых норм системами искусственного интеллекта необходима качественная реализация процесса их обучения, гарантирующая отсутствие внешних факторов, способных нарушить информационную безопасность процесса обучения (целостность, достоверность и доступность формирования обученных моделей).

Целостность информации в контексте искусственного интеллекта означает гарантию неизменности данных обучающей выборки и обученных моделей на всех стадиях обработки информации[164].

Достоверность информации означает, что данные обучающей выборки или массивы данных обученной системы искусственного интеллекта являются доверенными (верифицированными), эти данные не были изменены и могут быть корректно интерпретированы алгоритмами толкования данных системы

---

[163] Юристы уличили искусственный интеллект во лжи при подготовке юридических документов // Российская газета. Режим доступа - https://rg.ru/2023/05/31/iuristy-ulichili-iskusstvennyj-intellekt-vo-lzhi-pri-podgotovke-iuridicheskih-dokumentov.html (дата обращения: 02.11.2024).

[164] Огарок А.Л., Огарок М.А., Жаворонкова О.Г. Толкование гражданско-правовых норм и семантическая обработка информации в системах искусственного интеллекта // Информатизация и связь. 2024, № 7, С. 42.

искусственного интеллекта в семантически корректное внутреннее представление информации системы искусственного интеллекта. Достоверность информации обеспечивается комплексом организационно-технических мер, обеспечивающим невозможность искажения данных или алгоритмов их толкования[165].

Доступность информации в контексте искусственного интеллекта означает обеспечение легитимного и беспрепятственного доступа к данным обучающей выборки и обученным моделям для уполномоченных субъектов в соответствии с установленными правомочиями на осуществление операций чтения, изменения, хранения, копирования, уничтожения данных.

Таким образом информационная безопасность процессов толкования правовых норм и семантической обработки информации системами искусственного интеллекта может быть потенциально обеспечена на основе разработки и реализации комплекса организационно-технических мероприятий, предусматривающего реализацию мер по защите целостности, достоверности и доступности данных и алгоритмов функционирования[166].

Следует отметить, что существующее законодательство отстает от технологической базы развития систем искусственного интеллекта и зачастую не в полной мере регламентирует ответственность субъектов за эксплуатацию уязвимостей и реализацию преступлений с учетом новых типов нарушений информационной безопасности систем искусственного интеллекта[167].

Кроме того, когнитивные системы искусственного интеллекта обладают свойством самоорганизации, обеспечивающей возможность автоматической реконфигурации их архитектуры, свойств и алгоритмов функционирования. Это

---

[165] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологии и правовое регулирование систем искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: Учебное пособие. М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. С. 37.

[166] См.: Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологии и правовое регулирование систем искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: Учебное пособие. М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. С. 81.

[167] См.: Огарок М.А. Искусственный интеллект в судебном толковании права. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 67.

обусловливает возможность принятия решений когнитивными системами искусственного интеллекта о необходимости реализации процессов самообучения. Таким образом, когнитивные системы искусственного интеллекта способны автоматически принимать решения о пополнении собственных баз знаний с целью совершенствования собственных процессов толкования правовых норм и семантической обработки информации. При этом субъекты правоотношений могут не осуществлять контроль над процедурами использования исходных данных для обучения систем искусственного интеллекта и над обученными моделями. Следовательно существует проблема легитимности решений, принимаемых самообучаемыми системами искусственного интеллекта. Следует принимать во внимание, что корпуса данных, используемые для автономного обучения когнитивных систем, могут включать информацию, находящуюся под режимом конфиденциальности, а также охраноспособные объекты авторского права. Кроме того, верификация алгоритмов функционирования систем искусственного интеллекта существенна затруднена в связи с наличием ряда актуальных научных задач по вербализации (объяснимости) искусственных нейронных сетей. Таким образом, когнитивные системы искусственного интеллекта при самообучении не реализуют формирование доверенных массивов данных, сформированных при реализации верифицированного процесса обработки исходных данных, а также реализацию доверенного вычислительного процесса обработки входных данных системы искусственного интеллекта (документов и запросов пользователей).

Следует отметить, что в настоящее время направления обеспечения информационной безопасности систем искусственного интеллекта недостаточно полно проработаны с точки зрения нормативной базы и технических аспектов функционирования искусственных нейронных систем. Необходимо учитывать новые виды киберпреступлений, связанных с эксплуатацией уязвимостей искусственного интеллекта, таких как манипуляция обучающими данными, атаки на целостность нейросетевых систем и несанкционированное вмешательство в процессы семантической обработки информации.

Требуется законодательное закрепление следующих нормативных обязанностей для разработчиков и операторов систем искусственного интеллекта: гарантирование сохранности конфиденциальных данных и объектов интеллектуальной собственности в процессах машинного обучения, внедрение единых требований к валидации обученных моделей, сертификация программного обеспечения и обеспечение алгоритмической транспарентности, установление деликтной ответственности за некорректную интерпретацию правовых норм[168].

Требуется нормативное обеспечение баланса между развитием технологий искусственного интеллекта и защитой общества от цифровых угроз при автоматизированном толковании законодательства.

Широкое внедрение искусственного интеллекта в основные сегменты общественной жизни формирует объективную потребность в законодательном определении их правового статуса и регламентации социально значимых аспектов функционирования. Разработка нормативно-правовых принципов для сферы искусственного интеллекта государствами и межправительственными организациями мотивирована необходимостью совмещения двух приоритетов: создания условий для научно-технического прогресса и установления эффективных механизмов охраны прав и свобод граждан. В качестве примера формирования комплексного правового режима для технологий искусственного интеллекта можно привести Регламент Европейского союза, который устанавливает единые правовые рамки, направленные на минимизацию рисков и гарантию защиты фундаментальных прав на протяжении всего жизненного цикла систем искусственного интеллекта - от разработки до внедрения[169].

---

[168] См.: Огарок М.А. Правовое регулирование охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 3. С. 67.

[169] См.: European Parliament. (2018). General Data Protection Regulation (GDPR). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://gdpr-info.eu/ (дата обращения: 01.08.2025).

Дискуссионной проблемой современной юриспруденции остается исследование конвергентных концепций признания искусственного интеллекта квазисубъектом права в формате цифрового агента[170]. Обладают ли системы универсального («сильного») искусственного интеллекта потенциалом для аутентичной интерпретации норм права в контексте индивидуального правоприменительного акта, обеспечивающей вынесение легитимного и обоснованного судебного решения? Как предписывают положения Кодекса судейской этики, принятого VII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 года, надлежащее осуществление функции судебной защиты прав и свобод человека обусловлено соблюдением таких фундаментальных основ правосудия, как справедливость и беспристрастность[171]. Вместе с тем, сохраняет свою актуальность проблема обеспечения гарантий со стороны искусственного интеллекта основополагающих начал правосудия, а также методологии верификации соблюдения им требований справедливости и беспристрастности.

Л. Флориди констатировал наличие нелинейной зависимости между объемом автономии воли, реализуемой человеческими субъектами, и масштабом делегирования полномочий автономным системам, подчеркивая, что данная корреляция сохраняет нормативно-ценностную значимость как в прагматическом, так и в этическом аспекте[172].

Осуществляя дискреционные полномочия, судья детерминирует правовую позицию через призму индивидуальных этико-мировоззренческих установок, в связи с чем аксиологическая квалификация фактических обстоятельств остается эксклюзивной прерогативой человеческого сознания как носителя личностного

---

[170] См.: Мохат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. М.: МГОУ, 2018. № 2. С. 71.

[171] См.: Кодекс судейской этики. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 01.08.2025).

[172] Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. Oxford University Press, 2023. P. 171.

правосознания. Действительно, даже если систему искусственного интеллекта обучить на массивах данных, содержащих нормативно-правовые акты и решения, принятые с учетом нравственной оценки фактов объективной реальности, то можно получить обученную модель искусственного интеллекта, которая также не поддается полной и точной вербализации, но формирует результаты, близкие по содержанию к обучающей выборке. Таким образом невозможно будет установить логические правила, лежащие в основе ее функционирования, проверить корректность всех возможных ее рассуждений (путей логического вывода) и гарантировать корректность функционирования в различных ситуациях, в том числе даже в достаточно близких ситуациях.

Использование алгоритмов и технологий, функционирующих по принципу «чёрного ящика» («black box problem»), в процессе судебной деятельности без участия судьи противоречит базовым правовым принципам, таким как законность и обоснованность судебного решения[173]. Согласно положениям «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», принцип транспарентности признается фундаментальным руководящим началом в области разработки и применения технологий искусственного интеллекта. Европейский Союз имплементировал в Общий регламент по защите данных (GDPR)[174] механизм процессуальных гарантий, обеспечивающий право личности на обоснование решений, принятых с применением технологий искусственного интеллекта.

Следовательно, применение искусственного интеллекта в судебном толковании права должно обеспечивать автоматизацию семантического анализа правовых текстов, валидацию нормативных данных, синтез результатов

---

[173] Барышников П.Н. «Черный ящик» или прозрачный алгоритм: аналитический обзор источников по этике искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 5 – 20.

[174] См.: European Parliament. (2018). General Data Protection Regulation (GDPR). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://gdpr-info.eu/ (дата обращения: 01.08.2025).

юридического анализа и формирование проектов интерпретационных заключений[175].

Таким образом основным направлением исследования возможностей применения искусственного интеллекта в судебном толковании права является установление правил интерпретации и смысловой обработки правовых норм, а также развитие технологий объяснимого искусственного интеллекта, обеспечивающих возможность понятно для человека изложить логические и алгоритмические процедуры функционирования цифровых когнитивных систем.

3.2. Возможности внедрения технологий искусственного интеллекта в судебное толкование права

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года определяет в качестве принципиальной основы постепенное внедрение доверенных технологий искусственного интеллекта, разработанных с учетом требований объективности, недискриминации и цифровой этики, исключающих потенциальную возможность причинения вреда человеку, нарушения его конституционных прав и свобод, а также ущемления законных интересов общества и государства при интеграции во все направления государственной деятельности[176].

Гарантировать соответствие перечисленным законодателем принципов работы и алгоритмов поведения технологий искусственного интеллекта при их внедрении в процесс судебного толкования права возможно только в случае контроля человека за результатами их деятельности или на основании создания

---

[175] См.: Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права. Образование и право, М.: Юркомпани, 2020. № 7. С. 201.

[176] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации … Ст. 5700.

технологии, способной объяснить логику функционирования применяемой системы искусственного интеллекта.

Технология объяснимого искусственного интеллекта имплементирует методологический подход, направленный на обеспечение интерпретируемости алгоритмов и результатов функционирования. Объяснимый искусственный интеллект генерирует формализованные эвристические пояснения в виде системы логически верифицируемых правил, обосновывающих как алгоритмические процессы, так и результирующие выводы системы.

Ключевыми принципами применения объяснимого искусственного интеллекта (Explainable AI) в правовой сфере выступают:

- интерпретируемость (interpretability) - возможность предоставления прозрачного описания функциональных механизмов системы искусственного интеллекта;

- контрфактуальная объяснимость (counterfactual fairness) - способность реконструкции логики и результата формирования результата системой искусственного интеллекта на языке юридических категорий с экспликацией структурных элементов правовых норм (гипотеза - диспозиция - санкция).

Технологий объяснимого искусственного интеллекта направлены на обеспечение транспарентности и интерпретируемости решений, принимаемых с применением когнитивных систем. Данные инструменты предоставляют субъектам правоприменительной деятельности возможность пояснения процессов формирования правовых выводов искусственным интеллектом, для контроля соблюдения фундаментальных принципов справедливости и верховенства права. Технологию объяснимого искусственного интеллекта можно определить как инструмент обеспечения процессуальной легитимности (procedural legitimacy), поскольку она позволяет обеспечить доступ к алгоритмической логике функционирования систем искусственного интеллекта для сторон судебного процесса.

Национальная платформа «Умный суд» (Smart Court) в КНР функционирует как система автоматизированного мониторинга судебных решений на соответствие прецедентной практике, идентификации признаков коррупционных проявлений и служебной халатности, а также генерации рекомендательных заключений для судейского корпуса. Операционный потенциал системы «Умный суд» характеризуется ежедневной обработкой порядка 100 тысяч судебных производств, что демонстрирует её масштабируемость в рамках процессуальной деятельности. На судейский корпус возлагается процессуальная обязанность мотивированного обоснования отступления от рекомендательных выводов, сформированных системами искусственного интеллекта в актах правоприменения. Согласно эмпирическим данным, имплементация указанной системы позволила достичь следующих результатов: снижение среднего объема профессиональной нагрузки на судейский корпус на 33%, генерация совокупного экономического эффекта в размере 300 млрд юаней (3,6 трлн рублей) за трехлетний период[177].

В Соединенных Штатах Америки система «Оценка общественной безопасности» (Public Safety Assessment) функционирует в качестве инструмента риск-ориентированного подхода в уголовном судопроизводстве, применяемого для прогнозирования криминогенных рисков, включая вероятность рецидивного поведения или уклонения от явки в судебные органы обвиняемыми лицами. Система помогает судьям принимать решения о заключении обвиняемых под стражу на основе учета возраста, истории арестов, социального статуса[178].

В РФ создана платформа «ГАС Правосудие»[179], предназначенная для автоматического составления проектов судебных актов, анализа материалов дел и

---

[177] См.: Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy (дата обращения: 11.05.2025).

[178] См.: Правосудие будущего: как искусственный интеллект меняет суды [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://softline.ru/about/blog/pravosudie-budushego-kak-iskusstvennyj-intellekt-menyaet-sudy (дата обращения: 01.08.2025).

[179] ГАС «Правосудие». [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ej.sudrf.ru/appeal/ (дата обращения: 11.05.2025).

автоматизации дистанционных заседаний суда с целью снижения бюрократии и ускорения процессов, а также система «Кассатор-онлайн»[180] для анализа судебных решений на предмет выявления оснований для их отмены.

Проведенный анализ представленных разработок демонстрирует, что, несмотря на автоматизацию процессуальных операций по формированию проектов решений, когнитивно-волевой компонент принятия окончательных правоприменительных актов сохраняется в качестве исключительной прерогативы субъекта правоприменения.

Алгоритм реконструкции логики функционирования систем объяснимого искусственного интеллекта базируется на следующих процедурах: экспликации механизмов фокусировки («внимания») системы на лексических единицах текста, анализе их лингвистических характеристик, исследовании архитектурных особенностей слоев нейронной сети, генерации интерпретируемых правил функционирования и других когнитивно-аналитических операциях[181]. Однако отсутствие эффективной методологии реализации механизмов объяснимого искусственного интеллекта препятствует верификации человеком результатов функционирования когнитивных систем на предмет оценки их соответствия правовым дефинициям и принципам юридической логики. Как отмечено в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: «Отсутствие понимания того, как искусственный интеллект достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и может стать препятствием для их развития»[182].

---

[180] Кассатор онлайн. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://kassator-online.ru/ (дата обращения: 11.05.2025).

[181] См.: Аверкин А. Н. Объяснительный искусственный интеллект в больших речевых моделях // Речевые технологии / Speech Technologies. 2024. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://cyberleninka.ru/article/n/obyasnitelnyy-iskusstvennyy-intellekt-v-bolshih-rechevyh-modelyah (дата обращения: 01.08.2025).

[182] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019, № 41.

Ключевой научной проблемой современности выступает междисциплинарное исследование юридических и технологических аспектов применения искусственного интеллекта в судебной интерпретации права, основанное на имплементации стандартов объяснимого искусственного интеллекта как необходимого условия обеспечения процессуальной транспарентности и легитимации правоприменительных решений.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 содержит указание, что в настоящее время отсутствует семантическая прозрачность алгоритмов функционирования нейроматематических систем искусственного интеллекта, поскольку не разработаны научно-методические основы эффективной вербализации алгоритма функционирования нейросети. Проект закона Европейского союза об искусственном интеллекте[183] предлагает для обеспечения прозрачности принимаемых искусственным интеллектом решений раскрывать информацию о назначении, характеристиках, возможностях и ограничениях системы искусственного интеллекта.

Преодоление обозначенных системных ограничений требует разработки методологии алгоритмической вербализации нейросетевых решений и внедрения технологий объяснимого искусственного интеллекта (XAI), обеспечивающих соответствие когнитивных систем фундаментальным принципам правоприменения: легальности, справедливости и соразмерности в процессе судебной интерпретации права. Сформулированные тезисы актуализируют потребность в применении междисциплинарной исследовательской парадигмы, интегрирующей методологический аппарат юриспруденции, компьютерной лингвистики и теории машинного обучения для решения следующих задач: уточнения понятийного аппарата, разработки информационных технологий

[183] См.: Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence от 21.04.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-regulation-laying-down-harmonised-rules-artificial-intelligence (дата обращения: 01.08.2025).

объяснимого искусственного интеллекта, построения формализованных правовых онтологий.

Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта предполагают реализацию права субъекта на объяснение результатов функционирования и решений, принятых когнитивными системами. Указанные правомочия, нормативно закрепленные, например в Общем регламенте по защите данных (GDPR), преимущественно относятся к категории индивидуальных прав субъектов данных на получение содержательного объяснения решений, оказывающих существенное влияние на их правовой статус или материальное положение, в особенности в контексте автоматизированного принятия индивидуально-правовых актов.

Основными принципами применения объяснимого искусственного интеллекта являются следующие:

- доступность - формируемые пояснения должны быть представлены в форме, понятной всем участникам процесса;

- пропорциональность - полнота и точность формулировок объяснений должна соответствовать правовой значимости решений;

- достаточность объяснений - система объяснимого искусственного интеллекта должна предоставлять данные идентификации, достаточные для обжалования формируемых решений;

- контекстуальная адаптивность - формируемые объяснения должны базироваться на применяемых аспектах юрисдикции (например, учитывать особенности англосаксонской и континентальной правовых систем);

- содействие судье - система объяснимого искусственного интеллекта выполняет вспомогательную функцию, аналогичную правовой экспертизе и (или) подготовке проекта решения, а проверка корректности толкования права и окончательное юридическое решение должно оставаться за судьёй-человеком.

Потенциально существует широкий спектр направлений юриспруденции, в которых может использоваться искусственный интеллект для автоматизации

деятельности юристов. Так как принятие юридических решений относиться к высокорисковым операциям, то искусственный интеллект принципиально не должен обладать правами принятия юридически значимых решений. В части автоматизации юридических процедур искусственный интеллект, как инструмент, осуществляющий толкование и смысловую обработку информации, целесообразно использовать в различных направлениях юриспруденции, где требуются обработка больших объемов информации, аналитика и интерпретация правовых документов.

В зарубежной правовой доктрине сохраняет свою актуальность научная полемика относительно допустимых пределов имплементации технологий искусственного интеллекта в процесс отправления правосудия. Использование технологий искусственного интеллекта в правовой сфере затрагивает фундаментальные правовые принципы, включая требование справедливости, императив транспарентности и запрет дискриминации. Актуальной проблемой является разработка стандартов, обеспечивающих этичное использование искусственного интеллекта и максимальную пользу для общества.

Таким образом, можно констатировать наличие единой точки зрения в среде международных организаций и российских специалистов в области права, согласно которой полная алгоритмизация правоприменительной деятельности суда и делегирование властных судебных полномочий искусственному интеллекту представляют собой угрозу фундаментальным основам правосудия, выходящую за рамки проблем технической реализуемости. Когнитивно-ценностная природа судейского усмотрения, предполагающая не только формально-логический анализ норм и установление релевантных фактов, но и учет психологического контекста и этической составляющей правоотношений, создает непреодолимые препятствия для его алгоритмизации средствами искусственного интеллекта. Реализуя юрисдикционные полномочия, судьи действуют с осознанной целеполагающей направленностью, опираясь на детерминированную и системно взаимосвязанную совокупность законодательных положений. При этом отмечается логическая согласованность и непротиворечивость процедур правоприменительного вывода,

основанных на действующей системе права, что находит своё формальное выражение в устоявшейся доктринальной структуре правовой нормы, включающей гипотезу, диспозицию и санкцию. С позиции системного анализа сложных информационных систем, рассматриваемые процессы соответствуют эвристическим системам искусственного интеллекта. Технологии искусственного интеллекта в их текущем состоянии не обладают свойством процессуальной прозрачности ввиду отсутствия методологии вербализации их операционных механизмов в форму, доступную для правовой оценки и интерсубъективного понимания. В этой связи, цифровизация судебной системы, включая применение алгоритмов искусственного интеллекта, должна быть подчинена достижению ключевых правовых целей: повышению эффективности охраны прав и законных интересов участников судопроизводства, а также укреплению таких фундаментальных принципов, как качество и доступность правосудия.

Развитие искусственного интеллекта представляет собой задачу, требующую комплексного подхода к правовому регулированию. Необходимо учреждение системы международных стандартов и модернизация национальных законодательств, ориентированных на опережающее правовое реагирование на вызовы технологического развития для безусловного обеспечения гарантий прав и свобод человека. Правовое регулирование искусственного интеллекта должно детерминировать вопросы ответственности, обеспечивать защиту персональных данных, устанавливать режим интеллектуальной собственности и формализовать этические стандарты с целью балансировки стимулирования инноваций и минимизации потенциальных рисков и злоупотреблений.

В настоящее время наблюдается динамичное развитие методологии интерпретации правовых норм в системах искусственного интеллекта с целью минимизации рисков, связанных с потенциальной алгоритмической предвзятостью, ошибками и недостаточной транспарентностью («эффектом чёрного ящика»). Системы искусственного интеллекта, функционал которых предполагает содействие суду в установлении фактических обстоятельств,

толковании правовых норм и их применении к конкретному случаю, подлежат правовой квалификации в качестве систем искусственного интеллекта высокого риска.

Выводы по главе:

В результате проведенного исследования потенциала, возможностей и проблем внедрения технологий искусственного интеллекта в судебном толковании права можно сформулировать следующие выводы:

1. Оптимальное решение методологических и нормативных проблем использования искусственного интеллекта в интерпретации права требует разработки адаптированных регуляторных подходов и создания специализированного методологического аппарата для анализа транспарентности и корректности процессов функционирования нейросетевых систем.

2. Применение искусственного интеллекта в судебной деятельности имеет значительный потенциал для совершенствования правотворчества, повышения эффективности и справедливости правоприменительной практики, однако требует решения вопроса внедрения технологий искусственного интеллекта в правоинтерпретационную деятельность суда с учетом этики, морали, обеспечения безопасности и контроля со стороны человека.

3. Целесообразность применения искусственного интеллекта для автоматизации судебной деятельности, в том числе по толкованию права, ускоряет работу судов и снижает нагрузку на судей за счет того, что когнитивные системы обеспечивают возможность анализа больших объемов неструктурированных данных, выявления устойчивых закономерностей и прогнозирования результатов судебных разбирательств. Перспективы интеграции искусственного интеллекта в судебные системы могут привести к повышению доступности правосудия и улучшению качества судебных решений, а развитие технологий искусственного интеллекта открывает новые горизонты для совершенствования правовой системы, делая её более гибкой и адаптивной к современным вызовам.

4. Преимущества использования искусственного интеллекта в судебной деятельности обусловлены повышением эффективности и точности правоприменения за счет уменьшения человеческого фактора, а также за счет сокращения времени рассмотрения дел и снижения затрат на судебные процессы.

5. Модернизация законодательства в сфере информационных технологий и систем искусственного интеллекта предполагает формирование сбалансированного регуляторного пакета, включающего технические регламенты, этико-правовые нормы и корпоративные стандарты, релевантные специфике цифровой среды и машинной обработки информации.

6. Верификация алгоритмов искусственного интеллекта должна предусматривать обязательную сертификацию искусственных нейронных сетей, используемых для толкования правовых норм, на соответствие критериям целостности (integrity), достоверности (authenticity) и нефальсифицируемости (non-repudiation) обучающих данных. Указанные новации минимизируют риски злоупотребления когнитивными системами и создадут основу для устойчивого развития регулируемого «правового искусственного интеллекта» (Legal AI).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенных научных исследований достигнута поставленная цель работы, поскольку определены научно-обоснованные теоретические положения, обеспечивающие научно-методическую базу создания и применения технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов судебного толкования права.

Исследование теоретических аспектов применения искусственного интеллекта в судебном толковании права затрагивает комплекс междисциплинарных направлений исследований в области изучения когнитивных систем, а также юриспруденции, этики и морали.

Толкование права — это динамичный элемент правовой системы, обеспечивающий её гибкость и соответствие реалиям общественной жизни. Его двойственная природа (уяснение - разъяснение) подчеркивает единство познавательной и регулятивной функций. Однако отсутствие единого критерия истинности и растущая роль интерпретационной деятельности в условиях социальных трансформаций требуют дальнейшей теоретической разработки методологии толкования. Особое внимание следует уделить стандартизации интерпретационных техник и усилению контроля за официальным толкованием для минимизации субъективизма и обеспечения правовой определённости. В условиях широкого применения технологий и систем искусственного интеллекта для автоматизации процессов смысловой обработки информации роль методологии толкования норм права приобретает особое значение.

Анализ видов толкования позволил установить, что для исследования теоретических аспектов применения искусственного интеллекта в судебном толковании права следует учитывать сложившуюся систему классификации видов толкования по субъекту и по объему. Классификации видов толкования по субъекту позволяет провести разделение систем искусственного интеллекта на системы автоматизации официального и неофициального толкования.

Функциональная роль толкования права в правовой системе определяется также тем, что интерпретация предшествует нормотворчеству, обеспечивая согласованность новых актов с действующим правопорядком, устраняет пробелы и коллизии в правовом регулировании общественных отношений. Наделение субъектов интерпретационными полномочиями формирует прецедентную власть, влияющую на баланс ветвей власти. Однако отсутствие унификации методологии толкования права потенциально может привести к субъективизации толкования. Данную проблему можно решить на основе применения систем искусственного интеллекта, обученных на большом множестве верифицированных данных с использованием различных способов толкования права. При этом внедрение систем искусственного интеллекта позволит обобщить знания субъектов толкования права и минимизировать риск субъективизации толкования.

Толкование права, будучи инструментом гармонизации формальной и содержательной сторон закона, требует дальнейшей теоретической проработки и институционального совершенствования для обеспечения правовой определенности в современных условиях внедрения систем искусственного интеллекта. Использование технологий искусственного интеллекта в судебной практике вносит специфические ограничения, обусловленные корректностью вербализации (объяснимости) алгоритмов функционирования систем искусственного интеллекта и качеством данных, на которых они обучены, что актуализирует вопросы методологии применения технологий искусственного интеллекта.

Динамический характер пределов толкования, отмеченный в отечественной правовой доктрине, подчеркивает необходимость адаптации правоприменения к изменяющимся социально-экономическим условиям при сохранении принципа разделения властей и верховенства закона.

Проведенный анализ юридических аспектов применения технологий искусственного интеллекта позволил идентифицировать следующие ключевые функциональные характеристики и имплементированные механизмы работы

когнитивных систем: способность к семантической интерпретации нормативно-правовой информации, возможность самообучения и автономной генерации знаний, наличие механизмов нормативной адаптации поведенческих моделей. Отсутствие универсальной юридической дефиниции понятия «искусственный интеллект» создает правовые коллизии, экономические риски и препятствует разработке стандартов качества и безопасности, что актуализирует необходимость использования междисциплинарного подхода к формулированию определения с учетом технологических и правовых аспектов. Международное сотрудничество в рамках организаций, таких как ООН, и принятие специализированных законодательных актов являются ключевыми направлениями для формирования согласованной нормативно-правовой базы, регулирующей ответственность разработчиков и операторов искусственного интеллекта, а также защиту прав субъектов правоотношений. Интеграция искусственного интеллекта в судебную практику, несмотря на потенциал повышения объективности и доступности правосудия, сопряжена с рисками потенциального наличия алгоритмической предвзятости, отсутствия транспарентности решений и неопределенности в распределении ответственности за ошибочные действия систем искусственного интеллекта, что требует разработки механизмов контроля и адаптации процессуальных норм. Перспективы применения искусственного интеллекта в судебном толковании права зависят от обеспечения баланса между автоматизацией процессов смысловой обработки информации и сохранением ключевой роли судей в интерпретации права с учетом безусловного контроля соблюдения принципов права, морали и этики.

Представленная дефиниция искусственного интеллекта рассматривает его как совокупность технологических решений, воспроизводящих когнитивные функции человека посредством механизмов самообучения, неалгоритмизированного поиска решений, семантического анализа информации и оценки результатов в рамках этико-правовых критериев. Данная конструкция формирует междисциплинарную правовую категорию, которая интегрирует

технологические параметры (нейросетевые алгоритмы, методы машинного обучения) с антропоморфными характеристиками (самосознание, этическая рефлексия) и закрепленной нормативно-правовой основой (юридическая ответственность за принимаемые решения). Данное определение преодолевает ограниченность узкотехнических трактовок, акцентируя способность систем искусственного интеллекта к автономной смысловой интерпретации данных и верификации выводов, что создаёт доктринальную основу для регулирования их применения в публично-правовых отношениях. Авторское определение имплементирует принцип правовой определённости исключая коллизии между техническим нормотворчеством и традиционными институтами ответственности и закладывает критерии для дифференциации искусственного интеллекта от иных информационных систем через признак целеполагающей когнитивной деятельности, сопоставимой с человеческой. Указанный подход коррелирует с необходимостью формирования транснациональных стандартов регулирования искусственного интеллекта, учитывающих баланс между инновационным потенциалом технологий и гарантиями защиты фундаментальных прав в условиях цифровой трансформации правосудия.

Исследование возможностей и направлений судебного толкования права с применением систем искусственного интеллекта показывает, что судебная система нуждается в постоянном совершенствовании, включая использование современных цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, для повышения эффективности и справедливости правоприменительной практики.

Анализ роли и значения суда как основного субъекта судебного толкования права показал, что суд, осуществляя толкование законодательства, выполняет исключительно правоприменительную функцию, не выходя за рамки смысла, вложенного законодателем, что исключает его участие в правотворчестве. Правоприменение представляет собой многоэтапный государственно-властный процесс, включающий установление фактических обстоятельств, выбор норм права и издание индивидуально-властного акта, где толкование выступает

обязательным элементом уяснения логической нормы. Логическая норма в трактовке С.С. Алексеева формируется через системный анализ разрозненных правовых предписаний, объединяющих гипотезу, диспозицию и санкцию, что требует профессионального юридического анализа для выявления регулятивной целостности. Отсутствие единообразия в судебной практике подчеркивает необходимость унификации интерпретационных подходов для обеспечения принципа правовой определенности. Судебное толкование, демонстрируемое в решениях высших инстанций, способно восполнять пробелы законодательства и влиять на законотворчество, однако требует строгого соблюдения границы между правоприменением и правотворчеством. Функция судебной практики в обеспечении гармонизации правовой системы выражается в систематизации и обобщении судебных решений, которые обеспечивают адаптацию абстрактных правовых норм к изменяющимся условиям общественных отношений. Это способствует укреплению стабильности, правопорядка, а также оказывает воспитательное и регулятивное воздействие на правовых субъектов. Интерпретационная деятельность суда, сочетая конкретизацию законодательных положений и обеспечение их жизнеспособности, выступает инструментом преодоления коллизий и пробелов, укрепляя единство судебной практики и баланс частных и публичных интересов.

Анализ свободы судейского усмотрения при толковании норм права показал, что судейское усмотрение представляет собой неотъемлемый элемент правоприменительной деятельности, предполагающий творческий выбор судьи в рамках законодательных предписаний, направленный на достижение публичных целей правосудия и оптимального регулирования общественных отношений. В отечественной правовой доктрине отсутствует терминологическое единство при использовании понятий «судейское усмотрение» и «судебное усмотрение», однако их содержательная тождественность обусловлена общим признаком - делегированным суду правом выбора из законных альтернатив в процессе разрешения правовых споров.

Пределы судейского усмотрения, закрепленные в законодательстве и судебной практике, служат гарантией законности, обоснованности и справедливости судебных решений, ограничивая судебное правотворчество и обеспечивая соответствие толкования права системным началам гражданского законодательства. Профессионализм, правовая культура и морально-этические качества судьи играют ключевую роль в реализации усмотрения, особенно при интерпретации оценочных категорий, таких как «добросовестность» и «справедливость», требующих учета контекста гражданского оборота. Институт особого мнения судей, отражающий профессионально-доктринальное толкование, способствует совершенствованию правовой доктрины, но не обладает статусом официального толкования, оставаясь формой неофициальной интерпретации права.

Судейское усмотрение в условиях динамичного развития общественных отношений выступает инструментом преодоления правовой неопределенности, компенсируя пробелы законодательства через системное применение принципов права и разъяснений высших судебных инстанций. Законодательная регламентация усмотрения, включая правовые нормы и акты судебного толкования, направлена на баланс между свободой судейской оценки и предотвращением злоупотреблений, обеспечивая предсказуемость и стабильность правоприменительной практики.

Практическая значимость судебного толкования проявляется в его роли инструмента синхронизации законодательства с актуальными социально-экономическими вызовами. Через выявление пробелов и коллизий (например, признание криптовалюты имуществом в деле № А40-124668/2017) суды оперативно адаптируют правовое поле, что предвосхищает законодательные реформы. Обеспечение единообразия правоприменения достигается через выработку устойчивых правовых позиций, минимизирующих субъективизм, обязывающие судей изучать особые мнения коллег. Судебная практика формирует обратную связь для законодательной власти, сигнализируя о необходимости регулирования новых сфер (например, цифровые активы). Внедрение

искусственного интеллекта актуализирует разработку нормативных механизмов верификации алгоритмических решений, обеспечивающих их соответствие принципам законности и логики правоприменения, что подтверждается предложенным автором диссертации тезисом о возможности мажоритарного сравнения смыслового содержания проектов решений, генерируемых системами искусственного интеллекта. Практическая значимость судебного толкования права с применением технологий искусственного интеллекта состоит в том, что оно служит практическим инструментом автоматизации процессов устранения правовой неопределенности, обеспечения стабильности правопорядка, стимулирования законодательных инициатив и создания механизмов контроля за технологическими инновациями в правоприменительной деятельности.

Интеграция технологий «слабого» искусственного интеллекта в организационно-процессуальную деятельность судебных органов преследует цель оптимизации рутинных операций через автоматизацию документооборота, осуществление автоматизированной верификации процессуальных документов на соответствие нормативным предписаниям, идентификацию участников судопроизводства, что согласуется с принципами рационализации обеспечительных процессов функционирования судебной системы и минимизацией ошибок, обусловленных человеческим фактором. Потенциал имплементации систем сильного искусственного интеллекта в правоприменительную деятельность сопряжен с фундаментальными доктринальными коллизиями, обусловленных отсутствием легально закрепленной дефиниции «электронной личности» и неразрешенностью проблематики квазисубъектности искусственного интеллекта в контексте дихотомии «объект-субъект» правовых отношений. Данная проблематика актуализирует научную дискуссию о необходимости трансформации традиционной антропоцентрической парадигмы правопонимания.

Структурная корреляция эвристических систем искусственного интеллекта с трехкомпонентной архитектурой правовой нормы (гипотеза - диспозиция -

санкция) создает методологические предпосылки для верификации алгоритмических процессов посредством формализации дедуктивных процедур. Нейроматематические системы искусственного интеллекта базируются на связях нейронов, сформированных ими автоматически в процессе самообучения, что обусловливает невозможность представления процесса толкования в понятном человеку виде. Ключевым риском нейроматематических систем выступает их семантическая непрозрачность («black box problem»), обусловленная нелинейностью преобразований в скрытых слоях нейросетей, что препятствует транспарентности толкования законодательства и создает риски нарушения принципа правовой определенности.

Устранение обозначенных дефицитов нормативного регулирования обусловливает необходимость внедрения стандартов объяснимого искусственного интеллекта, обеспечивающих соответствие решений в области судебного толкования критериям правомерности, соразмерности и справедливости. Ключевой задачей в системотехнической области является разработка методов объяснения работы нейронных сетей, позволяющих проверить соответствие их алгоритмов действующим правовым принципам и минимизировать риски непредсказуемости в правоприменительной практике.

Эти положения подчеркивают необходимость междисциплинарного синтеза юриспруденции, компьютерной лингвистики и теории машинного обучения для создания формализованных онтологий права, адаптированных под задачи автоматизированной семантической обработки нормативных текстов и прецедентов.

Исследование показало, что регламентация процессов толкования права в российской правовой системе характеризуется фрагментарностью из-за отсутствия консолидированного нормативного акта, устанавливающего единые стандарты интерпретации, что определяет правовую неопределенность в эпоху цифровизации юридической деятельности.

Юридическая ответственность за действия систем искусственного интеллекта сохраняет субсидиарный режим, локализуясь в правовом поле субъектов (разработчиков, операторов). Отсутствие у искусственного интеллекта психофизиологических критериев вменяемости, дееспособности и когнитивной базы для установления умышленной вины (прямого или косвенного умысла) исключает его легитимацию в качестве деликтоспособного субъекта. В этой связи интеграция искусственного интеллекта в сферу судебной интерпретации правовых норм должна ограничиваться автоматизированной семантической обработкой правоприменительных данных, аутентификацией информационных массивов, систематизацией выводов и генерацией прецедентно-адаптированных проектов юридического толкования, сохраняя за человеком монополию на акты правовой квалификации.

Актуальной исследовательской парадигмой является инкорпорация методологии телеологического и прецедентного толкования в технологии искусственного интеллекта посредством обучения моделей на верифицированных корпусах судебных актов, историко-правовых документов и нормативных источников, содержащих этические стандарты, что детерминирует снижение коллизий между буквальным смыслом правовых предписаний, их целевым назначением и содержанием.

Данные выводы подчеркивают трансформацию методологии толкования права в условиях цифровизации, где интеграция технологий искусственного интеллекта становится ключевым инструментом повышения эффективности юридического анализа.

Оптимизация нормативного регулирования в сфере информационных технологий и систем искусственного интеллекта детерминирует необходимость внедрения интегрального регулятивного подхода, сочетающего технико-нормативное регулирование, этико-правовые императивы и механизмы саморегулирования, адекватно отражающие специфику нематериальной природы информационных объектов и алгоритмической природы обработки данных.

Целесообразно внедрение механизмов верификации обученных моделей и сертификации алгоритмов обучения искусственных нейронных сетей, обеспечивающих защиту целостности, достоверности и доступности процессов обработки информации для минимизации рисков искажения правоприменительных решений. Существует императивная необходимость нормативного закрепления обязанностей разработчиков и операторов систем искусственного интеллекта по обеспечению конфиденциальности информации и защиты объектов интеллектуальной собственности в процессах машинного обучения, включая установление процедур аудита алгоритмической транспарентности и механизмов ответственности за некорректную интерпретацию правовых норм.

Развитие международно-правового сотрудничества в рамках конвенционных механизмов, таких как Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации[184], должно быть дополнено специализированными протоколами, учитывающими специфику преступлений, совершаемых с использованием когнитивных систем искусственного интеллекта. Совершенствование законодательства должно обеспечить баланс между инновационным потенциалом искусственного интеллекта и защитой публичных интересов, включая гарантии противодействия дезинформации, манипуляциям общественным сознанием и нарушениям конфиденциальности в условиях автоматизированного толкования правовых актов.

Верификация алгоритмов искусственного интеллекта должна предусматривать обязательную сертификацию искусственных нейронных сетей, используемых для толкования правовых норм, на соответствие критериям целостности (integrity), достоверности (authenticity) и нефальсифицируемости (non-repudiation).

---

[184] См.: Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://base.garant.ru/4089723/ (дата обращения: 01.08.2025).

Указанные новации обеспечат синхронизацию правовых механизмов с технологическими реалиями, минимизируют риски злоупотребления когнитивными системами и создадут основу для устойчивого развития регулируемого «правового искусственного интеллекта» (Legal AI).

Использование искусственного интеллекта демонстрирует эффективность в автоматизации рутинных задач: анализе судебной практики, выявлении противоречий в законодательстве, прогнозировании правовых рисков, подготовке проектов решений. Однако императив сохранения прерогативы принятия окончательных юридически значимых решений за человеческим субъектом остается фундаментальным условием обеспечения легитимности и соответствия принципу справедливости в правоприменительной деятельности.

Потенциальная возможность наличия некорректно обученных моделей, ограниченная возможность их верификации и ограниченная объяснимость решений искусственного интеллекта в правосудии определяют необходимость классификации таких систем как высокорисковых с установлением превентивного контроля через сертификацию их архитектур на соответствие стандартам беспристрастности и принципам верховенства права.

Легитимация использования технологий искусственного интеллекта в правовой сфере требует обеспечения контроля использования валидированных данных для машинного обучения, применения стандартов защиты критической информации и нормативного закрепления санкций за злоупотребления в области эксплуатации систем искусственного интеллекта.

Перспективы дальнейшей разработки проблематики судебной интерпретации правовых норм с использованием технологий искусственного интеллекта связаны с разработкой теории уяснения и разъяснения юридически значимой информации в когнитивных системах на основе проведения научных исследований по решению частных научных задач, направленных на совершенствование научно-методической базы и законодательства с учетом

развития нормативно-правовой базы, информационных технологий и систем искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Международно-правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апр.

2. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. // СЗ РФ. 2014. № 5. Ст. 419.

3. Окинавская хартия глобального информационного общества. Принята на о. Окинава 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51 - 56.

2. Законодательство и документы Российской Федерации

2.1. Конституция, федеральные конституционные законы, федеральные законы

1. Конституция Российской Федерации / Принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

2. О Конституционном Суде Российской Федерации. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021). - М.: Омега-Л, 2021. - 94 с.

3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ. [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_367159/ (дата обращения: 01.08.2025).

4. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ. - М.: Омега-Л, 2022. - 219 с.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022. - М.: Омега-Л, 2022. - 196 с.

9. О защите прав потребителей : Федеральный закон от 07.02.1992 № 2300-1. (ред. от 11.06.2021). - М.: Проспект, 2022. - 48 с.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая: текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2022 г. - М.: Эксмо, 2022. - 640 с.

11. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ. - М.: Эксмо, 2022. - 224 с.

12. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.kremlin.ru/acts/bank/45766 (дата обращения: 01.08.2025).

13. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

15. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

2.2. Указы и иные акты Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 № 1202 (ред. от 25.07.2014) «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по применению информационных технологий и развитию электронной демократии» [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.08.2025).

3. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.2016. № 49. Ст. 6887.

4. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017. № 20. Ст. 2901.

5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. - 09.05.2018.

6. Указ Президента Российской Федерации от 06.05.2018 № 198 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.05.2018. № 20. Ст. 2815.

7. Постановление Правительства РФ от 21.05.2021 № 767 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета на поддержку некоммерческой организацией Фонд развития центра разработки и коммерциализации новых технологий пилотных проектов апробации технологий искусственного интеллекта в приоритетных отраслях» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3834.

8. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» // СЗ РФ. № 35, 2020 г. Ст. 5593.

2.3. Прочие официальные документы, документы технического нормативного регулирования

1. Кодекс судейской этики. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 08.12.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_139928/ (дата обращения: 01.08.2025).

2. ГОСТ Р 59921.3-2021 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. ч.3. Управление изменениями в системах искусственного интеллекта с непрерывным обучением [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://rst.gov.ru:8443/file-service/file/load/1682520929727 (дата обращения: 01.08.2025).

3. ГОСТ Р 70949-2023 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности. Варианты использования [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://moitvivt.ru/downloads/gost_70949.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

4. ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология

искусственного интеллекта [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://docs.cntd.ru/document/1310068314 (дата обращения: 01.08.2025).

5. ГОСТ Р 43.0.5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://docs.cntd.ru/document/1200079262 (дата обращения: 01.08.2025).

6. ISO/IEC 2382:2015 Information technology - Vocabulary. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso-iec:2382:ed-1:v2:en (дата обращения: 01.08.2025).

7. ISO/IEC 10746-2:2009(en). Information technology - Open distributed processing - Reference model: Foundations - Part 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:iso-iec:10746:-2:ed-2:v1:en (дата обращения: 01.08.2025).

8. Законопроект № 902782-8 «О внесении изменений в ст. 104-1 УК РФ и УПК РФ (об особенностях изъятия цифровой валюты)» [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8 (дата обращения: 01.08.2025).

3. Международные документы

1. Artificial Intelligence and Civil Liability. European Parliament. Requested by the JURI committee. July 2020. P. 9.

2. European Parliament. (2018). General Data Protection Regulation (GDPR). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://gdpr-info.eu/ (дата обращения: 01.08.2025).

3. Interpretation Act: [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://laws.justice.gc.ca/PDF/I-21.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

4. Proposal for a regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending

certain union legislative acts. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021PC0206 (дата обращения: 01.08.2025).

5. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. A Definition of AI: Main Capabilities and Disciplines. Definition developed for the purpose of the AI HLEG's deliverables. 8 April 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ec.europa.eu/futurium/en/system/files/ged/ai_hleg_definition_of_ai_18_decembe r_1.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

6. High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. 8 April 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai (дата обращения: 01.08.2025).

7. Civil Law Rules on Robotics, European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // OJ C 252, 18.7.2018, P. 239 - 257.

8. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - Building Trust in Human Centric Artificial Intelligence (COM(2019)168). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-building-trust-human-centric-artificial-intelligence (дата обращения: 01.08.2025).

9. Declaration by the Committee of Ministers on the manipulative capabilities of algorithmic processes. Council of Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?ObjectId=090000168092dd4b (дата обращения: 01.08.2025).

10. Declaration. Nordic Council of Ministers & Government of Sweden. AI in the Nordic-Baltic Region. May 14, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.norden.org/en/declaration/ai-nordic-baltic-region (дата обращения: 01.08.2025).

11. Directorate General of Human Rights and Rule of Law. Guidelines on artificial intelligence and data protection. // Consultative Committee of the Convention for the protection of individuals with regard to automatic processing of personal data (Convention 108), Strasbourg, 25 January 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://rm.coe.int/guidelines-on-artificial-intelligence-and-data-protection/168091f9d8 (дата обращения: 01.08.2025).

12. European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and Their Environment (Dec. 3/4, 2018), European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ)(2018)14 // Adopted at the 31st plenary meeting of the CEPEJ, Strasbourg, 3-4 December 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-european-ethical-charter-on-the-use-of-artificial-intelligence-ai-in-judicial-systems-and-their-environment (дата обращения: 01.08.2025).

13. H.R.5356 - National Security Commission Artificial Intelligence Act of 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/5356/text (дата обращения: 01.08.2025).

14. Italian White Paper on Artificial Intelligence at the service of citizens (Version 1.0 March 2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ai-white-paper.readthedocs.io/en/latest/ (дата обращения: 01.08.2025).

15. Japanese Strategic Council for AI technology, Implementation plan of artificial intelligence technology strategy (Aug. 17, 2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ai-japan.s3-ap-northeast-1.amazonaws.com/7116/0377/5269/Artificial_Intelligence_Technology_Strategy March2017.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

16. OECD Principles on AI. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://oecd.ai/en/ai-principles (дата обращения: 01.08.2025).

17. Outcome document: first version of a draft text of a recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. [Электронный ресурс]. Режим доступа -

https://unesdoc.unesco.org/in/rest/annotationSVC/Attachment/attach_upload_feb9258a-9458-4535-9920-fca53c95a424 (дата обращения: 01.08.2025).

18. Pan-Canadian Artificial Intelligence Strategy, Invest in Canada. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://cifar.ca/ai/ (дата обращения: 01.08.2025).

19. PDPC, Discussion paper on artificial intelligence (AI) and personal data - fostering responsible development and adoption of AI (June 5, 2018). [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.pdpc.gov.sg/-/media/Files/PDPC/PDF-Files/Resource-for-Organisation/AI/Discussion-Paper-on-AI-and-PD---050618.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

20. Unboxing Artificial Intelligence: 10 steps to protect Human Rights. By the Council of Europe, Commissioner for Human Rights. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://rm.coe.int/unboxing-artificial-intelligence-10-steps-to-protect-human-rights-reco/1680946e64 (дата обращения: 01.08.2025).

21. UNESCO: Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://ircai.org/wp-content/uploads/2020/07/PRELIMINARY-STUDY-ON-THE-ETHICS-OF-ARTIFICIAL- INTELLIGENCE.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

22. United Nations Activities on Artificial Intelligence (AI), 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://www.itu.int/dms_pub/itu-s/opb/gen/S-GEN-UNACT-2019-1-PDF-E.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

4. Судебная практика

1. Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 524-О-П «По жалобе гражданина Федорова Дениса Валериановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 2 ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_ 73258 (дата обращения: 01.08.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23. О судебном решении [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_45640/ (дата обращения: 01.08.2025).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 01.08.2025).

4. Решение Арбитражного суда Кировской области по делу от 03.03.2022 г. № А28-11930/2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа - https://kvnews.ru/upload/file/A28-11930-2021_20220303_Reshenie.pdf (дата обращения: 01.08.2025)

5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req =doc&base=MARB&n=1444056#kZ8fCwSrKo3LFtuH (дата обращения: 01.08.2025).

5. Научная литература, сборники материалов

5.1. Монографии, учебные пособия, сборники актов, документов и материалов

1. Абдулаев М.И. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений. - М.: Финансовый контроль, 2004. - 410 с.

2. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. - Т. 2. - М.: Прогресс, 1982. С. 290.

3. Алексеев С.С. Проблемы теории права : Курс лекций : В 2 т. / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Т 2. Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). - Свердловск: Свердл. юрид. ин-т. 1973. - 401 с.

4. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. - М.: Статут, 2010. С. 218.

5. Барак А. Судейское усмотрение. Пер. с англ. Ч.1 - М.: НОРМА, 1999. - 376 с.

6. Блажеев В.В. Предисловие // Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии» : монография / под общ. ред. В.В. Блажеева, М. А. Егоровой. - М. : Проспект, 2020. - 225 с.

7. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие и содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. - М.: Юрид. лит., 1975. - 328 с.

8. Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : монография в 5 т. / отв. ред. Л.Ю. Василевская. Т. 3. - М.: Проспект, 2021. - 325 с.

9. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов: - М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. - 128 с.

10. Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: дис. … канд. юрид. наук. - М., 1965. - 301 с.

11. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. - М.: Междунар. отношения, 2004. С. 112. - 344 с.

12. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский; Вступ. ст. Куцовой Э.Ф.; Юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. - М.: Юрид. бюро «Городец», 1997. - 447 с.

13. Вопросы толкования советского права. Учебное пособие / Черданцев А.Ф.; Отв. за вып.: Семенов В.М. - Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. - 191 с.

14. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса: Судоустройство. Учебник для правовых вузов. Т. 1 / Вышинский А.Я., Ундревич В.С. - М.: Сов. законодательство, 1934. - 432 с.

15. Гаджиев Г.А. Онтология права : (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. - М. : Норма : ИНФРА, 2013. - 320 с.

16. Гаджиев Х.И. Толкование права и закона. - М.: Медпрактика, 2000. - 95 с.

17. Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ. диссертация ... доктора юридических наук: - М., 2012. - 409 с.

18. Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. - М.: Юрлитинформ, 2009. - 127 с.

19. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / В. И. Даль. - 3-е издание, исправленное и значительно дополненное под ред. Проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. - СПб; - М.: М.О. Вольф, 1903-1909. Т. 4. - 395 с.

20. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. - 319 с.

21. Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1976. - 15 с.

22. Колоколов Я.Н. Аутентическое толкование норм права: поиск новых парадигм / Я. Н. Колоколов. - Москва: Юрлитинформ, 2010. - 372 с.

23. Корнев А.В., Веденеев Ю.А., Танимов О.В., Барзилова И.С., Жилинская В.С. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография. - М.: Норма, 2018. - 528 с.

24. Корнев А.В., Липень С.В. Танимов О.В., Барзилова И.С. Система права и система законодательства. Современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху : монография. - М.: Проспект, 2023. - 176 с.

25. Корнев А.В., Липень С.В., Барзилова И.С. Проблемы трансформации системы законодательства в условиях развития цифровых технологий : монография. - М.: Проспект, 2023. - 176 с.

26. Корнев А.В., Липень С.В., Барзилова И.С. Юридическая техника и цифровые технологии : монография. - М.: Проспект, 2022. - 152 с.

27. Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 - Саратов, 1999. - 210 с.

28. Лазарев, В.В. Теория государства и права : учебник для академического бакалавриата / В. В. Лазарев, С. В. Липень. - 5-е изд., испр. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2019. - 521 с.

29. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Вопросы теории. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1975. - 207 с.

30. Лекции по общей теории права / Коркунов Н.М., прив.-доц. С.-Петерб. ун-та. - 9-е изд. - М.: Н.К. Мартынов, 1909. - 364 с.

31. Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. 1 / Вильнянский С.И.; Отв. ред.: Рогожин А.И. - Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958. - 339 с.

32. Лекции по энциклопедии права / Трубецкой Е.Н. - М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. С. 140 - 141.

33. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1965-1975. 5-е изд. Т. 37. С. 285.

34. Лившиц Р.З. Теория права. Учебник. - М.: БЕК, 2004. - 224 с.

35. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: В 2 т. - Т. 1: Заключение международных договоров. - М.: Статут, 2004. - 605 с.

36. Любимов А.П., Пономарева Д.В., Барабашев А.Г. Основные понятия искусственного интеллекта. / - М.: ООО «Сам Полиграфист», 2019, - 116 с.

37. Малютин Н.С. Судебное толкование нормативных правовых актов в Российской Федерации. -М.: Юрлитинформ, 2018. - 200 с.

38. Маркс К. Сочинения : в 30 т. / Маркс К., Энгельс Ф. - Изд. 2-е. - М.: Госполитиздат, 1955. - Т. 1: [1839 - 1844 г.г.]. 1955. - XVI, - 699 с.

39. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник: - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2015. - 768 с.

40. Марченко М.Н. Теория государства и права. - М.: Статут, 2002. - 615 с.

41. Матузов Н.И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А.В. Малько. - 5-е изд. - М.: Дело РАНХиГС, 2017. - 528 с.

42. Михайлова О.Р. Толкование норм налогового законодательства: Учебное пособие / Под ред. С.Г. Пепеляева. - М.: Дело, 2004. С. 39.

43. Минбалеев А.В., Мартынов А.В., Камалова Г.Г. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий : монография. - М.: Проспект, 2023. - 264 с.

44. Минбалеев А.В., Полякова Т.А., Добробаба М.Б. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech). Учебник. - М.: Проспект, 2023. - 368 с.

45. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. - 464 с.

46. Мохат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». - М.: Буки Веди, 2017. - 257 с.

47. Мохат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы. дис. ... докт. юрид. наук. - М. 2018. - 544 с.

48. Общая теория права. Вып. 3 / Шершеневич Г.Ф. - М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1912. С. 727.

49. Общая теория права. Курс лекций / Под общ. ред.: Бабаев В.К. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегор. ВШ МВД РФ, 1993. - 544 с.

50. Общая теория права: Философия права. Часть теоретическая. Т. 1: Вып. 1 - 4 / Шершеневич Г.Ф., проф. - М.: Бр. Башмаковы, 1910. - 839 с.

51. Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта [Электронный ресурс] : монография. - М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. - 90 с.

52. Огарок А.Л., Огарок М.А. Проектирование интеллектуальных информационных систем [Электронный ресурс]: Учебное пособие. - М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. - 105 с.

53. Огарок А.Л., Огарок М.А. Технологии и правовое регулирование систем искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: Учебное пособие. - М.: МИРЭА - Российский технологический университет, 2024. - 110 с.

54. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Рус. язык, 1988. - 750 с.

55. Остроух А.В. Введение в искусственный интеллект. - Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. - 250 с.

56. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: Дис. ... д-ра юрид. наук. - Самара, 2005. С. 228 - 229.

57. Панов О.В. Функциональная структура бессознательного и возможность формирования новых принципов искусственного интеллекта // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского - М.: ИИнтеЛЛ, 2006. - 448 с.

58. Папкова О.А. Усмотрение суда. - М.: Статут, 2005. - 413 с.

59. Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта : монография / Минбалеев А.В., Полякова Т.А., Добробаба М.Б. и др.; под ред. Минбалеева А.В.; Министерство науки и высшего образования, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - Саратов : Амирит, 2023. - 441 с.

60. Подузова Е.Б. «Искусственный интеллект» и технологии «искусственного интеллекта» в договорном праве: цивилистическая концепция : монография / Е.Б. Подузова ; отв. ред. Л.Ю. Василевская; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - М. : Проспект, 2023. - 336 с.

61. Поспелов Г.С. Искусственный интеллект - основа новой информационной технологии. - М.: Наука, 1988. - 280 с.

62. Искусственный интеллект: Кн.1. Системы общения и экспертные системы : Справочник/ Под ред. Д.А. Поспелова. М.: Радио и связь, 1990. - 464 с.

63. Искусственный интеллект: Кн.2. Модели и методы : Справочник / Под ред. Д.А. Поспелова. - М.: Радио и связь, 1990. - 304 с.

64. Искусственный интеллект: Кн.3. Программные и аппаратные средства : Справочник / Под ред. Д.А. Поспелова. - М.: Радио и связь, 1990. - 368 с.

65. Проблемы истории, методологии и теории юридической науки : монография / отв. ред. А.В. Корнев. - М.: НОРМА : Инфра-М, 2023. - 528 с.

66. Пиголкин А.С. Общая теория права: Учебник для юридич. вузов. - 2-е изд. - М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. - 445 с.

67. Пирмаев Е.В. Судебное толкование (теоретико-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01. - Иркутск, 2019. - 194 с.

68. Погорелова Н.С. Судейское усмотрение в производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов на Дону, 2008. - 173 с.

69. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / Познышев С.В. - М.: Г.А. Леман, 1913. - 337 с.

70. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекций. - СПб.: Юрид. пресс-центр. 2003. - 845 с.

71. Применение советского права / Лазарев В.В.; Науч. ред.: Волков Б.С. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 65 - 67.

72. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход, 2-е изд.: пер. с англ. - М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2016. - 1408 с.

73. Рассолов И.М. Информационное право : учебник и практикум для вузов / И.М. Рассолов. - 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2024. - 427 с.

74. Реутов В.П. Юридическая практика и развитие законодательства: дис. … канд. юрид. наук. - Свердловск, 1968. - 254 с.

75. Савиньи Ф.К. Система современного римского права: В 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. - М.: Статут, 2011. - 510 с.

76. Судебная практика в советской правовой системе / С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, И.Н. Кузнецов и др.; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. С.Н. Братусь, Всесоюз. науч.-исслед. ин-т сов. законодательства. – М.: Юрид. лит., 1975. - 328 с.

77. Социологический энциклопедический словарь. На рус., англ., нем., фр. и чешском яз. Редактор-координатор академик РАН Г, В. Осипов. - М.: Изд. гр. ИНФРА М - НОРМА, 1998. - 488 с.

78. Спасов Б.П. Закон и его толкование. - М.: Юрист, 1986. - 352 с.

79. Судебная практика в советской правовой системе / Отв. ред.: Братусь С.Н. - М.: Юрид. лит., 1975. - 328 с.

80. Таева Н.Е. Толкование конституционно-правовых норм в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02. - М., 2005. - 219 с.

81. Танимов О.В. Теория юридических фикций / О.В. Танимов ; отв. ред. Т.В. Кашанина. – М.: Проспект, 2016. - 223 с.

82. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности “Юриспруденция” / Н.И. Матузов, А.В. Малько; Саратовский филиал ин-та государства и права Российской акад. наук. - Изд. 2-е, перераб. и доп. - Москва: Юристъ, 2007. - 540 с.

83. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ЭКСМО, 2008. - 477 с.

84. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. Р.Б. Головкина, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашова. - Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. - 599 с.

85. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. - Т. 3. - М.: Наука, 1987. - 728 с.

86. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. - М.: Гардарики, 2004. - 1072 с.

87. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика / Ин-т государства и права РАН. - М.: Юристъ, 1998. - 244 с.

88. Хант Э. Искусственный интеллект. / под ред. В.Л. Стефанюка; пер. с англ. Д.А. Белова, Ю.И. Крюкова. - М.: Мир, 1978. - 558 с.

89. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. - М.: Проспект, 2020. - 256 с.

90. Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права : Учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. - Свердловск: Свердл. юрид. ин-т., 1972. - 191 с.

91. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: учебное пособие для вузов. - М.: Юнити-Дана, 2003. - 381 с.

92. Щербакова Н.В. правовая установка и социальная активность личности. - М.: Юридическая литература, 1986. - 125 с.

5.2. Статьи в периодических и других научных изданиях, другие публикации и материалы

1. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. - Т. 2. - М.: Прогресс, 1982. С. 125 - 128.

2. Алексеев С.С. Общая теория права: курс: в 2 т. - М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 42 - 46.

3. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права. - М.: Статут, 2010. С. 218.

4. Барышников П.Н. «Черный ящик» или прозрачный алгоритм: аналитический обзор источников по этике искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 85. С. 5 - 20.

5. Басангов Д.А. Юридическая природа особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 2. С 24 - 34.

6. Болонин С.Ю. Значение актов официального казуального правотолкования в правоприменительной деятельности / С. Ю. Болонин // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. - 2010. Т. 152, кн. 4. С. 28 - 35.

7. Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 32 - 40.

8. Васьковский Е.В. Избранные работы польского периода. - М.: Статут, 2016. С. 240 - 241.

9. Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы / А.Б. Венгеров // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. - М. 1966. – Вып. 6. С. 3 - 19.

10. Вердиян Г.В. Принцип добросовестности в гражданском праве России: судейское усмотрение и процессуальные приемы его реализации // Мировой судья. 2019. № 1. С. 28 - 40.

11. Верещагин А.Н. Особые мнения в российских судах // Сравнительное конституционное обозрение. - М.: Институт права и публичной политики, 2006, № 4 (57). С. 165 - 175.

12. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 16 - 28.

13. Гаджиев Х.И. К вопросу об определении объекта толкования // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. - М.: Манускрипт, 2000, № 31. С. 5 - 10.

14. Градовский А.Д. О судебном толковании законов по русскому праву // Журнал гражданского и уголовного права: Январь и февраль. 1874. Кн. 1. С. 5.

15. Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 2: С. 250 - 262.

16. Зайцева Е.С. Противоречия при установлении пределов правового регулирования в правотворческой деятельности и интерпретационной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Юридическая техника. - Нижний Новгород, 2017. - № 11. С. 426 - 427.

17. Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование

судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. - М.: Инфра-М, 2019. С. 141 - 157.

18. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы науки теории государства и права. Вестник Ленинградского университета. 1956. № 17, серия экономики, философии и права, вып. 3, С. 135.

19. Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // Актуальные проблемы российского права. 2021. - Т. 16. № 9. С. 11 - 20.

20. Кирдяшова Е.В. К вопросу о междисциплинарном подходе в государственно-правовых исследованиях. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023;(4). С. 41 - 51.

21. Кузнецова О.А. Нормы-дефиниции в праве (на примере гражданского права) // Вестник пермского университета. 2003. № 3. С. 62 - 73.

22. Лазарев В.В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 28 - 29.

23. Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 7 - 15.

24. Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38 - 44.

25. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Полн. собр. соч. - М.: Политиздат, 1965-1975. 5-е изд. Т. 37. С. 285.

26. Маркс К. Сочинения: в 30 т. / Маркс К., Энгельс Ф. - Изд. 2-е. - М.: Госполитиздат, 1955. - Т. 1: [1839 - 1844 гг.]. - 1955. - XVI, - 696 с.

27. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. - Изд. 2-е. - М.: Госполитиздат. - Т. 2: [сентябрь 1844 - февраль 1846 гг.] / подгот. к печати И. А. Бах, В. К. Брушлинский. - 1955. - VIII, - 652 с.

28. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / Айзенберг А.М., Александров Н.Г., Алексеев С.С.,

Лукашева Е.А., и др.; Редкол.: Лукашева Е.А. (Отв. ред.), Мицкевич А.В., Самощенко И.С., Фарберов Н.П., Шебанов А.Ф. - М.: Юрид. лит., 1973. - 647 с.

29. Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник удмуртского университета / Экономика и право. 2022 Т. 32, вып. 6. С. 1094 - 1099.

30. Минникес И.А. Казуальное толкование: проблемы теории и практики / И. А. Минникес // Академический юридический журнал. - 2016. - № 1. С. 4 - 11.

31. Минникес И.А., Пирмаев Е.В. Пределы судебного толкования // Пролог: журнал о праве / Prologue: LawJournal, 2019. № 3. С. 2 - 9.

32. Михайлова О.Р. Толкование норм налогового законодательства: Учебное пособие / Под ред. С. Г. Пепеляева. - М.: Дело, 2004. С. 39;

33. Огарок М.А. Искусственный интеллект в судебном толковании права. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 88 - 104.

34. Огарок М.А. Перспективы использования искусственного интеллекта при толковании законодательства. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 1. С. 67 - 84.

35. Огарок М.А. Правовое регулирование охраны интеллектуальной собственности на искусственные нейронные сети. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 14, № 4. С. 61 - 74.

36. Огарок А.Л., Огарок М.А., Жаворонкова О.Г. Толкование гражданско-правовых норм и семантическая обработка информации в системах искусственного интеллекта // Информатизация и связь. 2024, № 7, С. 37 - 44.

37. Огарок А.Л., Огарок М.А., Стариков П.П. Исследование процессов обработки данных и проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности на обученные искусственные нейронные сети // Информатизация и связь. 2024, № 6, С. 20 - 27.

38. Огарок А.Л., Огарок М.А., Жаворонкова О.Г. Технологические и правовые аспекты искусственного интеллекта // Информатизация и связь. 2023, № 5, С. 35 - 39.

39. Огарок М.А. Пределы судебного толкования гражданско-правовых норм. // Молодая наука - 2023. Сборник статей X Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С.А. Забелина. - М.: МФЮА, 2023. Т. 2. С. 184 - 189.

40. Огарок М.А. Пределы судебного толкования гражданско-правовых норм. // Актуальные проблемы современного законодательства. Сборник статей участников VIII Всероссийской межвузовской научно-практической конференции. - М.: МФЮА, 2023. С. 267 - 273.

41. Огарок М.А. Управление судебным толкованием гражданско-правовых норм. // Концепция развития частного права: стратегия будущего. Сборник научных статей Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Редколлегия: В.В. Богдан (отв. ред.) и др. - Курск.: ЮЗГУ, 2023. С. 189 - 193.

42. Огарок М.А. Определение пределов судебного толкования правовых положений на основе комплексного анализа существующих научно-методических подходов к интерпретации законодательства. // Электронный периодический научный журнал. - М.: SCI-ARTICLE.RU 2023. № 118. С. 74 - 78. [Электронный ресурс] Режим доступа - https://sci-article.ru/stat.php?i=1687168517 (дата обращения: 01.08.2025)

43. Озерскис А.П. Новая концепция правосудия во второй половине XIX века // История государства и права. 2008. № 7. С. 37 - 38.

44. Основные проблемы гражданского права / Покровский И.А.; Редкол.: Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А. - 3-е изд. - М.: Статут, 2001. - 354 с.

45. Папкова О.А. Усмотрение суда. - М.: Статут, 2005. - 413 с.

46. Правовая охрана конституции / Хабриева Т.Я.; Науч. ред.: Железнов Б.Л. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1995. С. 165 - 181.

47. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Сб. Закон: создание и толкование. - М.: Спарк, 1998. С. 65 - 67.

48. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6: Восхождение к праву / Алексеев С.С. - М.: Статут, 2010. - 220 с.

49. Старженецкий В.В. Отсутствие единообразия судебной практики - нарушение прав человека? // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека [Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights]. Вып. 1: Европейская конвенция: новые «старые» права. - М.: Статут, 2015. С. 230 - 237.

50. Судебная практика в советской правовой системе / Отв. ред.: Братусь С.Н. - М.: Юрид. лит., 1975. - 328 с.

51. Судебная практика и совершенствование трудового законодательства / О.С. Курылева; Науч. ред. В.И. Семенков; АН БССР, Ин-т философии и права. - Минск: Наука и техника, 1989. С. 34 - 35.

52. Судейское усмотрение: сборник статей / Московское отделение АЮР; отв. ред. О.А. Егорова, В.А. Вайпан, Д.А. Фомин; сост. А.А. Суворов, Д.В. Кравченко. - М.: Юстицинформ, 2020. - 176 с.

53. Танимов О.В. Юридические фикции // Вестник Мордовского университета (Научно-публицистический журнал). – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2003. - С. 31 - 35

54. Титовская А.В. Категория «предел» как философско-юридическое понятие // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. - № 2. С. 90 - 94.

55. Ткаченко Ю.Г. Нормы советского социалистического права и их применение, - М.: Госюриздат, 1955. С. 45.

56. Щербакова Н.В. правовая установка и социальная активность личности. - М.: Юридическая литература, 1986. - 125 с.

57. Юридическая природа правовых позиций суда / Ершов В.В. // Российское правосудие. - 2013. - № 6 (86). С. 37 - 47.

58. Atkinson K., Bench-Capon T, Bollegala D. Explanation in AI and law: Past, present and future, Artificial Intelligence, Volume 289, 2020. P. 1 - 21.

59. Atkinson K., Bench-Capon T. Argumentation schemes in AI and Law. Argument and Computation 12 (3): 2021. P. 417 - 434.

60. Bench-Capon T. Argument in Artificial Intelligence and Law. Artificial Intelligence and Law 5, 1997. P. 249 - 261.

61. Chorley A., Bench-Capon T. An empirical investigation of reasoning with legal cases through theory construction and application, Artif. Intell. Law 13 (3), 2005. P. 323 - 371.

62. Hage J.C., Dialectical models in Artificial Intelligence and Law, Artif. Intell. Law 8 (2–3), 2000. P. 137 - 172.

63. Prakken H. Artificial Intelligence and law, logic and argumentation schemes. Arguing on the Toulmin Model. New Essays in Argument Analysis and Evaluation. editor / D. Hitchcock; B. Verheij. Springer, 2006. P. 231 - 245.

64. Prakken H. From logic to dialectics in legal argument, in: Proceedings of the 5th International Conference on AI and Law, 1995, P. 165 - 174.

65. Sartor G. Artificial intelligence and human rights: Between law and ethics. Maastricht journal of european and comparative law, 27(6), 2020, P. 705 - 719.

66. Sourdin T. Judge v Robot? Artificial Intelligence and Judicial Decision-Making. University of New South Wales Law Journal. Vol. 41, № 4. 2018, P. 1114 - 1133.